

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ВИЛЛА
РОЗОВЫХ АНГЕЛОВ



ЕСЛИ ТЕБЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ЖИЗНЬ КОНЧЕНА, НАЧНИ ВСЕ ЗАНОВО...

Антон Леонтьев

Вилла розовых ангелов

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=431732

Леонтьев А. В. Вилла розовых ангелов: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-19325-1

Аннотация

Дочери лорда Сент-Джеймса Регине казалось, что ее жизнь кончена. Дядя с мачехой погубили всю ее семью, недавно представленную ко двору французского короля, а саму девушку продали в рабство! Ей чудом удалось сбежать из плена и присоединиться к пиратам...

Оля Данилина совершенно не планировала сразу после защиты диссертации мчаться в Испанию. Но там таинственно исчезла ее сестра – бесшабашная Лорка, с которой вечно что-то случается. Поиски привели к тому, что... за Олей начали охотиться бандиты! Вообще-то им нужна Лорка, скрывшаяся со старинной картой острова, где якобы зарыла награбленные сокровища легендарная пиратка Регина Сент-Джеймс...

Содержание

Пролог	4
Нерьяновск, Россия, наши дни	8
1	8
2	14
3	19
4	24
5	30
6	40
7	52
8	61
9	72
10	78
11	93
12	103
13	111
14	117
15	126
16	133
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Антон Валерьевич Леонтьев

Вилла розовых ангелов

...Остальная часть клада – серебро в слитках и оружие – все еще лежит там, где ее зарыл покойный Флинт. И, по-моему, пускай себе лежит. Теперь меня ничем не заманишь на этот проклятый остров. До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос капитана Флинта: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!»

Р.Л. Стивенсон. Остров сокровищ

Пролог

**1707 год, испанское вице-
королевство Коста-
Бьянка (Южная Америка)**

Регина прибыла в Эльпараисо в день казни Эдуардо. Та апрельская среда выдалась хмурой и дождливой. Площадь, на которой возвышалась громада мраморного кафедрального

собора Богородицы, была оцеплена вооруженными до зубов солдатами. Желających поглазеть на казнь Одноглазого гнали через западные ворота, причем мужчин отсеивали, разрешая проходить в первую очередь женщинам, подросткам и старикам.

Вырядившись в рваное платье, прикрыв лицо клетчатой шалью, Регина, сгорбившись, изображая старуху, направилась к воротам. Стражники, окинув ее беглым взглядом, разрешили пройти на площадь.

Любопытных было великое множество. Еще бы, ведь казнили не какого-нибудь убийцу, фальшивомонетчика или растлителя малолетних, а легендарного пирата, который всего несколько недель назад завладел золотом вице-короля Коста-Бьянки.

Регине удалось протолкнуться к эшафоту. До нее долетали обрывки разговоров, которые вели праздные зеваки: вот, мол, и поделом морскому разбойнику, поджарят его, как свинью, на костре, даже пепла не останется!

Эдуардо надлежало казнить посредством сожжения – огромная куча дров и вымазанный дегтем шест были хорошо видны любому и каждому. Раздался звук горна – ворота закрыли, и более никто не мог покинуть площадь или проникнуть на нее: граф Оливарес хотел, чтобы казнь Одноглазого прошла без досадных происшествий и, не дай бог, попыток освободить пирата.

Около дровяной кучи появились стражники, впереди коих

шествовал облаченный в пурпурную сутану прелат. Он глухавым голосом зачитал приговор, вынесенный Эдуардо инквизицией.

— За многочисленные богомерзкие преступления, направленные против христианской веры и лично его преосвященства архиепископа Эльпараисского, а елико грабеж, убийства и прочие поганые деяния, кои были внушены подсудимому дьяволом, приговорен он был к очистительной казни на костре. Господь да смилостивится над его душой, аминь!

Регина, сжав кулаки и закусив губу, видела, как стражники выволокли ее любимого. Лицо его, бледное и спокойное, выражало неимоверное презрение к происходящему и собственной смерти. Эдуардо подвели к шесту, приковали к нему цепями. Прелат, подойдя к осужденному, пискливо спросил:

— Признаешь ли ты сейчас себя виновным, сын мой? Ты отказался сознаться в сотрудничестве с адскими силами. Пока всемилостивейший Господь дарует тебе возможность, покайся и очисти душу свою! Ибо в противном случае тобой завладеют бесы, и ты отправишься напрямиком в ад!

Эдуардо плюнул в мучнисто-серое лицо прелата, и народ, собравшийся на площади, захохотал. Пират раскати-сто произнес:

— Я виновен только в том, что не утопил тебя, лживая крыса, вместе с фарисеем-архиепископом, когда была возможность.

— Начинайте! — завизжал, отскакивая от шеста, священ-

ник.

Два стражника подпалили кучу хвороста справа и слева, и моментально вспыхнуло пламя, повалили густые клубы дыма. Регина бросила последний взгляд на Эдуардо, прикованного к столбу. Дым заволок место казни. Регина, цепеня, опустила голову.

Граф Оливарес, облаченный в роскошный адмиральский мундир, расположился под балдахином неподалеку, рядом с тронем, на котором восседал вице-король.

Стражники, подгоняемые криками прелата, суетились, подбрасывая в огонь дров и вязанки хвороста. Регина потеряла счет времени. Когда пламя потухло и дым рассеялся, глазам публики предстало черное пепелище. Священник, раскрыв псалтырь, бубнил молитву, один из стражников, разбрасывая дымящиеся угли копьем, поддел что-то острием и, подняв над головой, завопил:

– Эдуардо Одноглазый сгорел, как и подобает нечестивому грешнику! Вот его сердце!

Горожане заволновались, Регина увидела обугленный бесформенный кусок мяса и, тихо вскрикнув, потеряла сознание. Эдуардо, ее любимый, был мертв.

Нерьяновск, Россия, наши дни

1

О том, что ее сестра исчезла, Ольга узнала в день защиты диссертации. Тот декабрьский четверг начался суматошно. Оля до половины второго ночи вычитывала текст своей речи, а будильник прозвенел в половине шестого. Оля с трудом открыла глаза и, ощутив головную боль, подумала: ей предстоит, как говорил ее научный руководитель, профессор Милославский, сорок минут позора, а затем бессмертие у нее в кармане.

В спальню дочери заглянула Нина Сергеевна и тревожным голосом произнесла:

– Дочка, тебе пора вставать!

Оля и сама знала, что день предстоит долгий и сложный. Она быстро поднялась и отправилась в ванную комнату. Приняв холодный душ, вошла на кухню: на столе ее ждал большой бокал, полный ароматного кофе, и тарелка с оладьями, приготовленными заботливой мамой. Но есть не хотелось.

– Оленька, отчего же ты совсем ничего не кушаешь? – с тревогой произнесла Нина Сергеевна.

Оля отметила, что мама нервничает больше, чем она сама.

Выпив только кофе и взглянув на часы, сказала:

– Мамочка, у меня кусок в горло не лезет!

– Но тебе же потребуется много сил! – вздохнула Нина Сергеевна и добавила: – Ох, уж эта треклятая диссертация... Столько мучений – и ради чего!

Оля вспомнила события последних месяцев: ссору с научным руководителем; его почти увенчавшуюся успехом попытку отчислить ее из аспирантуры под надуманным предлогом и необычайно быстрое решение ректора – новым руководителем аспирантки Данилиной О.А. назначается профессор Милославский, враг номер один предыдущего ментора; весть о том, что защита состоится в середине декабря (узнала она об этом в конце сентября); бессонные ночи, в течение которых она полностью переработала текст диссертации, подготовку к экзамену по специальности, предзащиту... Она сама не верила, что все это случилось с ней всего лишь за последние два с половиной месяца. Обычно на то, что ей пришлось сделать в столь короткий срок, другим требуется год, а то и два.

– Да хотя бы ради того, мамочка, чтобы доказать моему бывшему научному руководителю, что солнце вертится не вокруг его смешной персоны и не все происходит согласно его желаниям, – ответила Оля.

Времени на долгие разговоры не было. Ольга снова отправилась в крошечную ванную чистить зубы. В половине седьмого (на дворе стояла непроглядная темень – еще бы, на ка-

лендаре семнадцатое декабря) Оля и Нина Сергеевна, одетые в шубы, ждали звонка домофона...

– Присядем на дорожку! – провозгласила Нина Сергеевна.

Оля заметила на глазах мамы слезы. Девушка обняла Нину Сергеевну и сказала:

– Ну, не беспокойся, прошу тебя! Я уверена в том, что все пройдет хорошо!

Нина Сергеевна быстро ответила:

– В тебе, дочка, я не сомневаюсь, но как быть с твоим бывшим научным руководителем? Ведь он входит в ученый совет, члены которого будут голосовать за присуждение тебе степени. А голосование-то тайное! Наверняка «дорогой и любимый» приложит все силы, чтобы убедить как можно большее число своих коллег голосовать против!

– Я в этом не сомневаюсь, – с легкой улыбкой и замершим сердцем ответила Оля. – Лев Миронович известен своей злопамятностью. А кроме того, он считает себя невинной жертвой во всей этой истории.

– Тоже мне жертва! – всплеснула руками Нина Сергеевна. – Профессор, доктор наук, он отыскал себе достойного соперника – собственную аспирантку! Два года нахвалиться на тебя не мог, всем в пример ставил, своей правой рукой почитал, но как только ты характер проявила, так прилюдно заявил, что ты – лентяйка и бездельница, а на заседании кафедры протолкнул решение о твоей неаттестации. Причем все твои так называемые друзья, как один, поддержали это

нелепое и хамское постановление!

– Мама, во-первых, Лев Миронович хоть и доктор наук, но не профессор, а доцент, – произнесла Оля. – Правда, он предпочитает, чтобы его именовали профессором. Еще бы, ведь срам-то какой: доктор наук и доцент! А во-вторых, на тех, кто отводил глаза и голосовал так, как ему хотелось, не пытался сказать правду или хотя бы возразить моему бывшему руководителю, я не в обиде: им ведь еще работать в университете, лямку на кафедре тянуть, так почему же они должны ломать собственную карьеру, защищая меня? Им детей кормить надо и о себе думать, а не о какой-то аспирантке Оле Данилиной!

Нина Сергеевна печально покачала головой: участковый врач-терапевт, она не терпела несправедливости в отношении кого бы то ни было. И уж тем более в отношении к собственной дочери.

Мама и дочка помолчали несколько секунд. Раздалась трель звонка, и Нина Сергеевна подскочила:

– С богом, доченька!

– Мамочка, – обняла Нину Сергеевну Оля, – уверяю тебя, если Льву Мироновичу не удалось воспрепятствовать мне выйти на защиту, а ты сама знаешь, что он оказался чрезвычайно изобретательным и использовал все приемы – дозволенные, а по большей части недозволенные, – то теперь, в день защиты, бояться нечего!

Звонок домофона означал, что машина их ждет. Нина

Сергеевна договорилась с одним из своих знакомых, владельцем старенького «Москвича», о том, чтобы он на протяжении всего дня выступал в роли шофера. Пришлось, конечно, заплатить, зато транспортная проблема была решена.

Нина Сергеевна и Ольга вышли из квартиры и подошли к лифту. Оля пошутила:

– Мама, представь, что мы сейчас застрянем, что тогда? Защиту придется переносить в связи с тем, что я сижу где-то между пятым и шестым этажом?

Двери лифта со скрежетом распахнулись, одинокая тусклая лампочка под потолком кабины освещала изрисованные стены. Нина Сергеевна, взяв дочь за руку, решительно произнесла:

– Пойдем пешком!

– Ты что, мама! – воскликнула Ольга. – Мы ведь живем на восьмом этаже, а нас ждут!

Несколько минут спустя мать с дочерью вышли из подъезда и заметили невдалеке темный автомобиль. Шофер, приветствуя их, просигналил. Расположившись на заднем сиденье, Оля прикрыла глаза, а затем в очередной раз раскрыла сумку и проверила, на месте ли папка с речью. В те несколько часов, которые она провела в тревожном сне, ей виделась какая-то ерунда. Почему-то запомнилось лицо сводной сестры Лорки: она куда-то бежала по диковинному лесу, словно спасаясь от преследователей.

«Москвич» тронулся с места, в салоне воцарилось молча-

ние – каждый думал о своем. Путь до университета предстоял неблизкий.

2

Город Нерьяновск в начале двадцатого века был замшелым местечком, одним из провинциальных гнездышек на берегу Волги. С приходом советских времен все разительно переменялось: старинные церквушки, купеческие хоромы в псевдоготическом стиле и деревянные избы были сметены с лица земли, и на их месте возвели корпуса одного из самых крупных в мире тракторных заводов. В войну город был практически до основания разрушен, но еще до победы, после того, как захватчики покинули пепелище, начались работы по восстановлению Нерьяновска. Облик города стал совсем иным: появилась большая каменная набережная с огромной, в четыре пролета, лестницей к реке, широкие проспекты, дома, украшенные ликами вождей.

А в 1962 году Нерьяновск обрел и новое имя – Болотовск. Так было увековечено имя уроженца города Ивана Арсеньевича Болотова, члена ЦК КПСС. Иван Арсеньевич, покинув Нерьяновск еще юношей, с тех пор так и не бывал на своей родине, однако к его пятьдесят пятому дню рождения генсек Хрущев решил сделать приятное одному из своих верных друзей и соратников. Иван Арсеньевич был до слез тронут и даже почтил город коротким однодневным визитом. История умалчивает, изменил ли товарищ Хрущев свое мнение о «верном друге Ване» два года спустя, когда Иван Арсеньевич

вич оказался одним из инициаторов переворота, приведшего к отставке и опале его благодетеля. Новый генсек чрезвычайно благоволил к Болотову – тот, как никто другой, умел рассказывать пикантные анекдоты, которых знал сотни, если не тысячи, был отличным охотником, да и пить умел, как настоящий русский мужик. Этого вполне хватило, чтобы в начале семидесятых Болотов был назначен министром энергетики, а через несколько лет – первым заместителем председателя Верховного Совета СССР.

В город, носящий его имя, Иван Арсеньевич больше не приезжал (в кругу приближенных он именовал родимое местечко «грязной дырой»), однако оказал протекцию группе ученых, которые посетили его в конце семидесятых. Представители элиты Болотовска загорелись идеей открыть университет: население достигло восьмисот пятидесяти тысяч, имелись педагогическое и медицинское училище, высшая музыкальная школа, политехнический и сельскохозяйственный институты, а вот университета в городе не было!

Престарелому Ивану Арсеньевичу польстило то, что ученые мужи ходатайствовали не только об открытии нового учебного заведения, но и о присвоении ему его имени. Болотов обещал помочь и не обманул – в 1981 году было решено: университету в городе быть. Правда, торжественное открытие вуза состоялось уже после смерти могущественного аппаратчика. Иван Арсеньевич ненадолго пережил «своего друга Леню» и скончался в апреле 1983 года. В начале

года старший сын Болотова, заместитель министра внешней торговли, был обвинен в хищениях, арестован и предстал перед судом. Не понимая наступивших времен и проклиная нового руководителя страны и партии, Иван Арсеньевич, за несколько месяцев до того смещенный с поста заместителя председателя Верховного Совета, попытался попасть на прием к генсеку Андропову. Тот согласился принять его, но когда Болотов прибыл в Кремль, ему пришлось провести больше трех часов в приемной. Раньше «старый друг Ленья» сам бы вышел к нему, по-братски обнял, и за бокалом раритетного французского коньяка все проблемы были бы улажены в течение четверти часа. Новый генсек не пил, скабрзные анекдоты терпеть не мог и всенародно объявил о том, что собирается искоренить мздоимство и злоупотребление служебным положением.

Когда молодой секретарь, который раньше, лебезя перед Болотовым, бросался выполнять каждое его желание, недовольным голосом объявил, что «Юрий Владимирович вас принять не может», старик ощутил тупую боль в сердце. С трудом шевеля языком, он спросил:

– А когда? Я подожду столько, сколько надо. Может быть, завтра или послезавтра? Мой сын...

И секретарь нагло ответил:

– Товарищ Болотов, вам самое время отправиться домой. У Юрия Владимировича не будет времени для вас ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра!

После этих слов у Болотова, который понял, что генсек никогда не станет для него «другом Юрой», потемнело в глазах и зазвенело в ушах. Иван Арсеньевич, потеряв сознание, повалился на бордовую ковровую дорожку. Его в спешном порядке доставили в Центральную Кремлевскую больницу, где он скончался ранним утром следующего дня в полном одиночестве. Основные газеты страны вопиюще замолчали факт смерти «выдающегося политического деятеля, дважды Героя Советского Союза, кавалера ордена Славы трех степеней...» и прочая, прочая, прочая. Болотову было отказано в погребении не только у Кремлевской стены, но и на престижных столичных кладбищах. Упокое он нашел в родном и столь нелюбимом им Болотовске.

Впрочем, несколько лет спустя, в конце восьмидесятых, с карты исчезло и это имя: город снова стал Нерьяновском, а посещение могилы Ивана Арсеньевича – с мраморным бюстом, перед которым всегда были живые цветы, возлагаемые молодоженами, – вышло из моды. О некогда всесильном члене ЦК просто-напросто забыли. Единственное, что напоминало об Иване Арсеньевиче, так это государственный университет, открытый с его помощью.

Именно туда в четверг, семнадцатого декабря, и направлялись Оля Данилина и ее мама Нина Сергеевна. Данилины обитали на южной окраине Нерьяновска, и им понадобилось почти полчаса быстрой езды, чтобы оказаться перед бетоно-мраморным зданием университета. Гигантский бронзо-

вый градусник на фронто́не показывал минус девятнадцать, стрелки огромных часов замерли на пяти минутах восьмого.

Оля выпрыгнула из машины и дала маме наказ:

– Не забывай, что заседание ученого совета начнется в десять.

– Я все поняла, дочка! – ответила Нина Сергеевна. – Доставим твоих оппонентов в университет, можешь не сомневаться!

Ольга знала, что мама приложит все силы для того, чтобы выполнить возложенное на нее поручение. Ей самой требовалось обсудить с профессором Милославским кое-какие вопросы и присутствовать на первой защите: в тот день их было назначено три, и ее собственная шла под номером два. Один из оппонентов, пожилая дама, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой, прибыла в Нерьяновск из Ярославля. Ольга сама встретила ее накануне на вокзале, проводила в гостиницу и пообещала, что на следующий день авто доставит профессоршу в университет к первой защите. Для этого и требовался автомобиль, а Нина Сергеевна специально взяла отгулы, чтобы обеспечить бесперебойную доставку, а затем отправку ученых дам по домам. Вторым оппонентом была кандидат наук и доцент, заведующая кафедрой иностранных языков в местной сельскохозяйственной академии. Но она сломала не так давно ногу и теперь передвигалась с трудом. Самостоятельно добраться

до университета, расположенного в отдаленной части Нерьяновска, да еще в декабре, когда улицы покрыты снегом и льдом, было для женщины затруднительно. Да и неписанные законы повелевали аспиранту, выходящему на защиту, привезти-увезти, накормить-одарить и долго-долго благодарить оппонентов, согласившихся дать рецензии на диссертацию и лично зачитать их на заседании ученого совета. Посему Нина Сергеевна и выступала в почетной роли администратора-распорядителя.

Оля знала, что положиться на маму она может, как на саму себя. Нина Сергеевна горячо любила единственную дочь, сердечно переживала за нее, когда узнала о конфликте с первым научным руководителем, и, несмотря ни на что, оптимистично смотрела в будущее, заявляя: «Мы, Овны, боремся до победного конца!» Оля поднялась по засыпанной снегом мраморной лестнице и подошла к дверям университетского здания. Охранник удивленно посмотрел на высокую темно-волосую девушку с зелеными глазами и испуганно-печальным выражением лица и произнес добродушно:

– Ты чего так рано? Ведь семь еще только, а занятия начинаются в половине девятого. Или приехала зачет пересдавать?

Оля тяжело вздохнула – ничего себе, она, кажется, производит впечатление нерадивой студентки! Ей требуется излучать уверенность в себе, но, похоже, этого у нее пока что не получается.

– Ну проходи, проходи, чего топчешься, – продолжил охранник.

Оля проскользнула мимо него и поспешила на четвертый этаж, в корпус Б, где располагалась кафедра теории и практики перевода, аспиранткой которой она являлась. Коридоры университета были пустынные, только вдалеке уборщицы гремели ведрами. Около двери кафедры горел красный огонек сигнализации – разумеется, в такую рань никого еще не было. Первые студенты и преподаватели начнут подтягиваться к восьми часам, а основной контингент появится минут в двадцать девятого, когда придут автобусы с доцентами и профессорами.

Ольга сняла шубку, оставшись в строгом сером костюме. Глава диссертационного совета, профессор, известный филолог, член Совета по проблемам русского языка при президенте России, была дамой строгих правил, посему экстравагантные одеяния на защите не поощрялись. Оля уселась на большой подоконник и, вынув из сумки свою речь, в очередной раз принялась ее просматривать. Выступать нужно было, читая текст, однако не уставившись в листки, а свободно. С другой стороны, тех, кто выучивал выступление наизусть, как стихотворение, считали зазнайками, поэтому во всем требовалось соблюдать меру.

Обычно считается, что раз человек диссертацию написал, то презентовать ее на заседании совета и получить одобрение, по сути, не так уж сложно. В истории университета,

правда, не такой уж и длинной, не было ни единого случая, чтобы степень не была соискателю присуждена. Еще бы, ведь это означало бы провал не только самого аспиранта, но и тех, кто стоит за ним, – научного руководителя, оппонентов, давших положительные отзывы, председателя диссертационного совета, секретаря и вообще всего руководства вуза.

Однако, анализируя собственный случай, Ольга не была уверена, что все пройдет гладко.

Она завершила обучение на филологическом факультете университета два с половиной года назад, получив диплом с отличием (ни единой четверки!) и став переводчиком и преподавателем французского и испанского. С Львом Мироновичем Щубачом она познакомилась на третьем курсе – тот читал лекции по теории перевода. Лев Миронович был импозантным, громкоголосым и пузатым субъектом, который никогда не сомневался в собственной исключительности и считал, что единственно верным является мнение одного человека – его самого.

Так уж получилось, что Оля Данилина писала под его руководством курсовую работу. Точнее, она принесла Щубачу ее на подпись: в течение целого учебного года Лев Миронович, человек чрезвычайно занятой, преподающий сразу в нескольких вузах и, кроме этого, занимающийся бизнесом, уделил Оле и четырем другим студентам в общей сложности не более двадцати минут. Лениво пролистав Олину работу, он поставил на титульном листе свою закорючку-подпись и,

взглянув на девушку исподлобья, назидательно произнес:

– Вот видишь, что значит попасть в руки такого специалиста, как я!

Лев Миронович не шутил. Он и в самом деле был уверен, что только благодаря его советам и объяснениям (довольно, надо сказать, бестолковым, сводившимся к заявлению: «Ну, все, что тебе понадобится, сама найдешь в библиотеке!») Оля и прочие студенты представили солидные работы.

В начале четвертого курса Щубач, в ту пору заведующий кафедрой романской филологии, вызвал к себе Олю. И, намеренно избегая называть ее по имени (навверняка Лев Миронович не помнил, как ее зовут: он пренебрегал такими мелочами, как имена студентов), провозгласил:

– Я вижу, что ты старательная студентка. Мне такие и нужны. Так и быть, будешь писать у меня диплом.

Вообще-то Оля намеревалась работать над дипломом под руководством профессора Милославского (кстати, он входил в число тех ученых, которые посетили Ивана Арсеньевича Болотова и просили его помочь с открытием в городе университета) – тот по праву считался самой светлой головой на отделении иностранных языков филологического факультета. Профессор Милославский был не чета Щубачу: остроумный, напрочь лишенный гонора и чванства и, что самое важное, чрезвычайно компетентный ученый. Милославский опекал студентов и аспирантов, деятельно помогая им в научной работе, в то время как Щубач раз в три месяца, случайно сталкиваясь между лекциями с кем-то из своих студентов в коридоре, по-барски ронял:

– Ну что, работаешь? Ну, работай, работай!

Если студент заикался о том, что у него имеется несколько вопросов по курсовой, Лев Миронович нетерпеливо от-

махивался и заявлял:

– У меня нет времени! На следующей неделе загляни ко мне.

А на следующей неделе у Щубача опять не было времени. Зато профессор Мстислав Романович Милославский всегда находил время, чтобы подробно ответить на вопросы студентов, поощряя их к этому, задерживался допоздна с дипломниками и жертвовал законными выходными, субботами и воскресеньями для «мозговых штурмов» с аспирантами. Причем он никогда не повышал голос, всегда улучал момент для шутки, чтобы разрядить ситуацию, и с уважением относился к любому человеку, вне зависимости от его статуса.

Никто не знал, это ли кардинальное различие в характерах положило начало вражде между профессором Милославским и Щубачом, но факт оставался фактом: они не выносили друг друга на дух. Однако в университете ходили слухи о том, что когда-то оба корифея были закадычными друзьями, вместе ездили на рыбалку и даже писали совместно учебник-пособие по французскому языку. Щубач, не имевший в то время собственного авто, так и ластился к Милославскому, обладателю джипа. Лев Миронович милостиво разрешал ежедневно подвозить себя, а Мстислав Романович не понимал, что Щубач использует его как личного водителя, считая того своим лучшим другом.

Затем Милославский уехал на два года в Тулузу, где преподавал в университете. А когда вернулся, обнаружил, что

«друг Лева» успел занять место заведующего кафедрой, совмещая его с должностью проректора. Щубач обзавелся собственной машиной и знать больше не хотел своего прежнего приятеля. Мстислав Романович, справедливо полагая, что его экс-другу (и экс-пассажиру) не следует сидеть одновременно на двух стульях, получил вскоре кафедру (ее передали под начало Милославского по инициативе ректора). Щубач, чувствуя себя несправедливо обделенным, принялся отчаянно интриговать, желая добиться одного: выжить Милославского из университета. До старого профессора быстро дошли слухи об активности со стороны Льва Мироновича, и на факультетском банкете по случаю Нового года состоялся «обмен любезностями», вошедший в анналы вуза. Те, кто стал свидетелем этой беседы, с удовольствием пересказывали фразы, которыми один ученый награждал другого. Тем самым «холодная война» между Милославским и Щубачом перешла в стадию весьма горячей.

Памятуя о ней, Оля Данилина была вынуждена согласиться с предложением, вернее, с волюнтаристским решением Льва Мироновича Щубача. Не могла же она сказать ему, что намеревается перейти в стан его самого ненавистного противника! А в начале пятого курса Щубач, защитивший докторскую диссертацию и ужасно этим кичившийся, заявил:

– Я говорил с ректором, мне открывают аспирантуру. Я, так и быть, возьму тебя к себе.

Вообще-то Оля, задумывавшаяся о «жизни после универ-

ситета», уже переговорила с профессором Милославским по поводу того, чтобы писать диссертацию под его руководством. Но как она могла сказать об этом Щубачу! К тому времени он стал деканом факультета иностранных языков, и Ольга была в курсе – те, кто ему не нравился или противоречил его мнению, подвергались жесточайшим карам.

– Лев Миронович, это для меня большая честь, – начала она, – однако...

– Никаких «однако»! – заявил в раздражении Щубач. – Или ты хочешь пойти в аспирантуру к Милославскому? Нужен тебе этот нудный старик! Из него ведь песок уже сыплется!

Он победоносно посмотрел на Олю поверх очков. Ольга не рискнула сказать, что ум и дарование не определяются ни ученой степенью, ни возрастом, и, приуныв, поняла, что у нее два пути: или, получив диплом, забыть о карьере в университете, или пойти в аспирантуру к Щубачу. Посовещавшись с мамой, она выбрала второе.

Мстислав Романович с пониманием отнесся к выбору Оли.

– Что, наш новоиспеченный доктор наук поставил вас в безвыходное положение? – спросил он (Милославский всегда именовал студентов и аспирантов на «вы» в отличие от Щубача, начинавшего немедленно тыкать). – Это он умеет как никто другой. Мне стало известно, что он назвал ректору вашу фамилию, когда речь зашла о возможных кандидатах в

его аспиранты. Заявил, что вы его слезно упрашиваете взять к себе, и это, собственно, склонило ректора к решению открыть ему аспирантуру в нынешнем году.

– Но я никого слезно не упрашивала! – возмутилась Оля. А профессор Милославский хмыкнул:

– Как видите, Лев Миронович готов на все, чтобы получить желаемое.

Ольга убедилась в правоте слов старого профессора через два года, когда ее научный руководитель Щубач потребовал поставить одному из студентов на экзамене, который она принимала, удовлетворительную оценку.

– Ты меня хорошо поняла? – спросил Лев Миронович перед началом экзамена. – Садовникова надо пропустить!

Антон Садовников, молчаливый молодой человек, чей отец был заместителем директора нефтеперегонного завода, щедро спонсировавшим Щубача, не пропускал ни одного занятия. Однако в течение семестра Оля так ни разу и не услышала его голоса – Садовников, как пленный партизан, держал глухую оборону. Оля задавалась вопросом, отчего богатый папа просто не купил сыну, не имевшему к лингвистике никакой склонности, диплом или не отправил его на юридический или экономический факультет. Позднее выяснилось, что папа готовил чадо в шефы международного отдела на нефтезаводе, поэтому и пропихнул того именно на отделение иностранных языков. И для такой должности диплом требовался не липовый, а, увы и ах, самый что ни на

есть настоящий.

Экзамен, имевший место в конце июня, завершился так, как Оля и предполагала, – все, за исключением Садовникова, получили положительные оценки. Антон зашел в аудиторию последним, вытянул билет, прочитал его, быстро положил на место и взял еще один. Оля оторопела от подобной беспардонности. Садовников ведет себя, как на базаре – не нравится билет, давай другой! Но, помня о наказе шефа, Оля сделала вид, что не заметила мухлежа. Антон получил текст об утилизации ядерных отходов, уселся за парту и вперил взгляд в стену.

Наконец настало время отвечать, и парень занял место перед Ольгой.

– Прошу вас, Антон, какая у вас тема? – спросила она по-французски.

Большие уши Садовникова покраснели, он плотно сжал толстые губы.

– Антон, не волнуйтесь, я уверена, что вы все знаете, – сказала успокаивающе Оля. – Итак, давайте посмотрим...

Она взяла его текст и произнесла:

– Речь, как я понимаю, идет об экологии, ведь так? Организация «Гринпис» выступает против захоронения ядерных отходов в Мировом океане. Поведайте мне, какие именно меры были приняты активистами этой организации в мае

прошлого года?

Садовников упорно молчал. Ольга попыталась задать еще несколько наводящих вопросов и фактически пересказала содержание текста: студенту оставалось только повторять за ней предложения. Но даже этого он не мог сделать!

– Антон, вы плохо себя чувствуете? – спросила она.

Садовников что-то пробурчал. Ольга попросила его говорить громче. К своему удивлению, студент, чей голос она услышала впервые за многие месяцы, проронил:

– Так вам, это... Декан вам, что... в общем, как бы, то бишь, типа... Ну...

– Что «ну»? – изумилась Ольга, переходя с французского на русский.

Садовников почесал рубиновое ухо-локатор и промямлил:

– Ну, папаня мой, он же проплатил Щубачу... так чаво вы меня мучаете?

– А, так ваш, как вы выражаетесь, папаня проплатил Льву Мироновичу... – произнесла замогильным голосом Ольга.

– Ну да, – кивнул молодой человек. – Вы, это, того... ставьте мне трояк.

Обомлев от столь беспардонного заявления, Ольга вышла из кабинета и направилась к Щубачу.

– Лев Миронович, – сказала она, – Садовников не в состоянии сказать ни единого слова по-французски. Он молчал в течение двадцати минут! И даже повторить за мной не мог!

– Ольга, – рывкнул декан, – тебе ясно было сказано: пропусти Садовникова! Ставь ему трояк и гони на все четыре стороны!

В голове у Оли вертелась фраза: «Мой папаня проплатил Щубачу». А ведь не далее как месяц назад Лев Миرونвич громыхал с трибуны, клеймя продажных преподавателей, и уволил молоденькую ассистентку за то, что бедняжка за пятьсот рублей поставила кому-то четверку (она потом плакала и говорила, что деньги ей требовались для оплаты лечения тяжелобольного отца). И вот получается, что сам-то Щубач без зазрения совести берет взятки! Причем в случае с Садовниковым он пятьюстами рублями явно не ограничился – ставки куда более высокие!

– Ты меня поняла? – выпучив глаза, спросил Щубач.

Ничего не ответив, Ольга покинула кабинет декана и вернулась в аудиторию. Садовников встретил ее понимающей улыбкой. Она взяла в руки его зачетку, задумалась. Щубач приказал «пропустить» этого студента... сопротивляться бесполезно... и все же...

– Значит, вы не намерены отвечать на экзамене? – спросила она Антона по-французски. Тот по-индюшачьи надулся и, вперив взгляд в пол, ничего не отвечал. – В таком случае вы не можете получить выше «двойки», – сказала Ольга и недрогнувшей рукой вывела в ведомости жирную пару.

Садовникову потребовалось несколько секунд, чтобы переварить произошедшее. Он судорожно сглотнул и тихо

спросил:

– Эй, вы чаво сделали? Это вам декан приказал? Мой папашка будет ужас как недоволен! Он ведь столько денег Шубачу дал да пообещал, что тот летом бесплатно будет отдыхать в закрытом пансионате нефтезавода...

– Антон, если вам больше нечего сказать, а предполагаю, что это именно так, ведь вы предпочитаете молчать, то прошу вас покинуть кабинет – экзамен закончен! – произнесла Оля. – А Лев Миронович, я уверена, сможет найти и иное место для отдыха, хотя бы и платного.

Она быстро вышла из кабинета. За ней потянулся Садовников. Девушка увидела, что он направился в деканат. Ну, разумеется, жаловаться!

Не теряя времени, Ольга заглянула в учебный отдел и сдала ведомость. Теперь никто не сможет исправить двойку на тройку. На душе у нее было муторно. Но и ставить Садовникову положительную оценку она тоже не могла. Ведь это означает, что он продолжит обучение и в следующем учебном году снова будет молчать на всех занятиях, дожидаясь, когда «папашка проплатит декану», и последний прикажет одарить Антона нужной оценкой. Оля не была кровожадной, и это был ее первый «неуд», который она поставила на экзамене. Но Садовников его более чем заслужил, и никакого сочувствия к нему она не испытывала.

Вернувшись домой, Ольга столкнулась с встревоженной мамой – та была неделю как в отпуске. Нина Сергеевна по-

ведала:

– Тебе два раза звонил Лев Миронович. Судя по голосу, он взбешен. Сказал... вернее, приказал, чтобы ты немедленно связалась с ним. Оленька, что стряслось?

Оля рассказала маме о произошедшем. Нина Сергеевна, прижав к груди руки и качая головой, произнесла:

– И дался тебе этот лодырь! Ну поставь ты ему тройку, и дело с концом!

– Если бы он проявил хотя бы немного изобретательности, я бы так и сделала, – упрямо ответила Оля. – Поверь мне, студенту требуется приложить невероятные усилия, чтобы получить на устном экзамене на нашем факультете «неуд». Пробормочи он несколько предложений по-французски, пускай даже с ошибкой в каждом слове, тройка была бы у него в кармане. Однако я не позволю, чтобы студент заявлял мне в лицо: «Ставьте трояк, потому что мой папашка проплатил декану». Это все же университет, а не базар!

Ольга не сомневалась, по какому поводу звонил Щубач. Однако вместо того, чтобы связаться с ним, она пообедала и прилегла отдохнуть. Разбудила ее Нина Сергеевна. Она протянула ей трубку телефона и прошептала:

– Это Лев Миронович звонит!

– Добрый... – начала Оля, но Щубач, не слушая слов приветствия, проорал:

– Данилина, ты что себе позволяешь? Ты почему не пропустила Садовникова? Я же тебе русским языком сказал –

поставь ему «удовлетворительно»!

– Лев Миронович, – ответила Ольга, – Антон сделал все, чтобы этого не произошло. Он попросту сидел и молчал, отказываясь отвечать. А затем заявил, что его «папашка» с вами все уладил.

Щубач тяжело дышал в трубку, а потом пролаял:

– Желаю тебя немедленно видеть, Данилина, у себя в кабинете! Тебе это понятно? Даю тебе десять минут!

– Но, Лев Миронович, вы же знаете, что я живу далеко от университета... – начала Оля, но в трубке заняли гудки отбоя. Ничего не оставалось делать, как быстро умыться, переодеться и отправиться в обратный путь.

Ольга оказалась в университете почти через час. Часы показывали половину третьего, солнце ярко светило, в коридорах, выложенных мраморными плитами, царила прохлада. В деканате Щубач расхаживал по кабинету. Завидев свою аспирантку, Лев Миронович смерил ее мрачным взглядом и процедил:

– Ты что, намеренно заставила меня ждать, Данилина? Я же сказал – через десять минут!

– Лев Миронович, увы, у меня нет возможности добраться до университета на такси или на вертолете, – ответила Ольга, ощущая, что сердце ушло в пятки от собственной смелости.

Декан обожал и поощрял раболепство, лизоблюдство и слепое восхваление собственной персоны. Особенно ревни-

во он относился к тому, чтобы аспиранты и студенты своевременно поздравляли его по поводу того или иного праздника. Оля вспомнила, как Лев Миронович распекал бедного студента, писавшего у него курсовую работу, – юноша не поздравил Щубача с защитой докторской диссертации. Тот пытался объяснить, что понятия не имел об этом, но декан еще больше разозлился. Он был уверен, что является центром вселенной и любой и каждый на всех континентах должен быть в курсе благой вести – Лев Миронович Щубач получил в Казани звание доктора наук. Вероятно, он не отказался бы, чтобы по случаю этого великого события, как и две тысячи лет назад в Иудее, на небе воссияла новая звезда, а волхвы низложили бы к его стопам драгоценные дары.

А как-то и сама Оля не поздравила его по телефону на седьмое ноября, и это стало темой для серьезной беседы в кабинете декана. Тот раздраженным голосом объяснил, что «научная этика» предписывает аспиранту своевременно поздравлять своего научного руководителя. И пусть праздник советский, да и не праздник вообще нынче, все равно надо звонить и веселым голосом желать ему «всего самого наилучшего». Причем исключительно в первой половине дня, с десяти до двенадцати.

Щубач проследовал из приемной в свой кабинет, опустил-ся в крутящееся кресло. Ольга уставилась на плоский монитор компьютера, красовавшийся на столе Льва Мироновича, она вспомнила, как он, увидев у коллеги-декана супермод-

ный монитор, рвал и метал – у него самого имелся старый, большой, громоздкий, ну никак не соответствующий его статусу. Поэтому из средств факультета было выделено около двадцати пяти тысяч рублей на покупку изящной игрушки.

– Итак, Данилина, ты меня разочаровала, – процедил Щубач. – Садовников обо всем проинформировал, и мне уже позвонил его папаша. Ты знаешь, кто он?

– Рискну предположить, что тоже Садовников, – произнесла Оля.

Лев Миронович быстро замигал и прошипел:

– Его папаша – заместитель директора нефтеперегонного завода! Он очень важный человек – с мэром на «ты», с губернатором в сауну вместе ходит, а ты вынуждаешь меня оправдываться перед ним!

Ольга промолчала. Разумеется, то, что папаша Садовникова ходит в сауну вместе с губернатором, было для Щубача фактом огромной важности. Декан пододвинул к ней лист, в котором Ольга узнала экзаменационную ведомость, сданную ею несколько часов назад в учебный отдел, и швырнул дорогую чернильную ручку с золотым пером.

– Исправляй оценку Садовникову, – заявил Щубач. – Зачеркни «неуд», впиши «удовлетворительно», а внизу сделай приписку: «Исправленному верить» и распишись.

Оля замотала головой и воскликнула:

– Лев Миронович, я не могу! При всем к вам уважении! Этот студент не заслуживает тройки. Он абсолютно ничего

не знает и не хочет знать...

– Ставь, я тебе сказал! – рассвирепел Щубач.

Оля еще не видела своего научного руководителя в подобном состоянии. Узкий лоб покрылся испариной, на бледных щеках выступил чахоточный румянец, свинячьи глазки сузились, кинжалообразный кадык заходил ходуном. Ольге внезапно сделалось очень смешно. Она с трудом подавила смех, но сдержать улыбку не смогла.

– Ты что ржешь? – заорал декан факультета. – Ты просекла, что от тебя требуется, Данилина? Ну, пиши, что тебе велено!

– Лев Миронович, я не буду этого делать, – ответила Оля.

Щубач застыл в кресле. Лицо декана сравнялось по цвету с дорогушим шелковым бордовым в лазоревую крапинку галстуком, украшавшим его длинную и морщинистую, как у черепахи с Галапагосских островов, шею. Лев Миронович крикнул, втянул носом воздух и странным тоном произнес:

– Значит, ты категорически отказываешься делать то, что я тебе приказываю?

– К сожалению, не вижу возможности поступить так, как вам хочется, – ответила Ольга.

Декан схватил ведомость, что-то в ней накорябал и бросил на колени Ольге. Она увидела, что Лев Миронович исправил поставленную ею оценку.

– Я как декан обладаю правом исправить ошибки преподавателей, – заявил Щубач. – Отнеси это немедленно в учеб-

ный отдел!

Ольга аккуратно положила ведомость на стол и ответила:

– Лев Миронович, я могу быть свободна?

Щубач прохрипел:

– Свободна, свободна! Ты можешь быть свободна, как горная козлица! Убирайся, Данилина! И учти, эта выходка тебе так просто не пройдет! Пошла прочь!

По пути домой Ольга думала о том, как отреагирует мама, узнав о произошедшем. Наверняка будет убеждать, что не следовало идти на конфликт с деканом, предложит принести ему извинения. Нина Сергеевна гордилась тем, что дочь поступила в аспирантуру, и всей душой желала, чтобы та после защиты диссертации осталась работать на кафедре. Но, имея во врагах такого влиятельного человека, как декан Щубач, об этом можно было забыть. И все же Оля считала, что поступила правильно: она не могла ни в чем упрекнуть себя – если студент заслуживает неудовлетворительной оценки, ее он и должен получить. И никакого значения не имеет то, что его отец – «шишка» на нефтезаводе и парится в бане, пардон, в сауне вместе с губернатором области.

6

В течение последующих нескольких дней Оля больше ничего не слышала от научного руководителя, и они с мамой решили, что Щубач потерял интерес к истории с Садовниковым. Но в самом конце июня Оле позвонила Инга, одна из молодых преподавательниц кафедры.

– Лев Миронович просил передать тебе, что завтра в двенадцать состоится заседание кафедры, последнее перед началом отпусков, – сказала Инга, и в ее голосе Оля уловила тревожные нотки.

– А что произошло? – поинтересовалась девушка. – У нас заседания каждый второй понедельник, в этом месяце уже прошло...

– Да итоги сессии вроде бы подводиться будут, – добавила Инга. – И аспирантов аттестовывать...

– Странно, – проронила Оля, – и это тоже было.

Помолчав, Инга осторожно спросила:

– А что у тебя произошло с Щубачом? А то он в последние дни злой как черт. И на твою фамилию реагирует, как бык на красную тряпку.

Ольга не стала посвящать Ингу во все подробности произошедшего, ограничившись парой слов о том, что у нее возникли разногласия с деканом по поводу второй главы диссертации.

– А, вот оно что... – немного недоверчиво протянула Инга, самая активная сплетница на кафедре. – Тогда понятно, почему он просил тебе вот что еще передать: тебе завтра потребуется сделать на заседании доклад о работе за второй год обучения в аспирантуре. Одним словом, ты должна поведать народу о том, сколько чего тобой обработано и написано.

– Я же в мае докладывала, – ответила Ольга. – В числе прочих аспирантов. А завтра еще кто-то отчитываться будет или только я?

– Мне об этом ничего не известно, – проворковала Инга, но по ее тону было понятно, что она недоговаривает.

Не принимая близко к сердцу очередную причуду Щубача, Оля нашла доклад, который делала полтора месяца назад на заседании кафедры. Она зачитает его еще раз – в тот раз Щубач хвалил ее, и коллеги единогласно аттестовали ее, как, впрочем, и других аспирантов.

Как и требовалось, на следующий день она появилась на кафедре без четверти двенадцать. Дамы, завидев Ольгу, прекратили разговор и уставились на нее, будто увидели Тень отца Гамлета. Оля одарила их милой улыбкой. Преподавательницы зашушукались – они ее недолюбливали, считая выскочкой (ни одна из них не имела ученой степени, числясь в вечных соискательницах), и опасались того, что, защитившись, «эта Данилина», чего доброго, станет доцентом, а потом, того и гляди, займет кресло заведующей кафедрой.

Все расселись в большой комнате, дожидаясь появления

главного действующего лица – Льва Мироновича Щубача. Он был одним из двух ведущих преподавателей, в течение нескольких месяцев совмещая посты декана и завкафедрой. Потом он милостиво предложил в руководители кафедрой Наталью Богумиловну Егозину, одну из немногих, кто обладал кандидатской степенью, и та была рупором всех приказаний Щубача, исполняла его волю и никогда не проявляла инициативы, бегая по десять раз на дню в деканат, чтобы узнать мнение Льва Мироновича по тому или иному пустяковому вопросу. Работники, исповедовавшие принцип, что инициатива наказуема, Щубачу и требовались.

Часы показывали четверть первого, когда дверь на кафедру открылась – появился облаченный в дорогой костюм цвета горчицы декан. Лев Миронович никогда не приходил вовремя, искренне полагая, что настоящий шеф должен заставить подчиненных с трепетом ожидать его августейшую персону.

– Наталья Богумиловна, можете начинать, – заявил он и расположился в большом кожаном кресле, которое никто не имел права занимать, кроме него самого – все остальные преподаватели ютились на стареньких колченогих стульях.

Егозина, блеклая, косноязычная дама с вечно испуганным выражением вытянутого овечьего лица, открыла заседание кафедры. В течение последующего часа все откровенно зедали, вполуха внимая тому, как каждый из преподавателей поведствует о результатах завершившейся сессии и закончивше-

гося учебного года. Когда очередь дошла до Оли, она быстро сообщила об успехах своих третьекурсников. Щубач, который до того, закинув ногу на ногу, безучастно сидел в кресле, оживился и скрипучим голосом задал вопрос:

– А студенты, которые получили «неудовлетворительно», у вас имеются?

– Насколько мне известно, уже нет, – ответила Ольга.

Лев Миронович сверкнул стеклами очков-хамелеонов и хмыкнул. Поочередно взгляды всех членов кафедры обращались к круглым часам, висевшим на стене. Всем в тот жаркий, тягучий день хотелось одного – как можно быстрее покончить с рутинной и с чистой совестью отправиться в отпуск до конца августа.

Наталья Богумиловна в течение получаса с ненужными подробностями, заикаясь и смолкая, путаясь в словах и углубляясь в никому не интересные детали, рассказывала о том, как она преподает фонетику французского языка на первом курсе. Коллеги в душе проклинали нудную Егозину, желая одного – чтобы она побыстрее смолкла.

Заведующую кафедрой прервал Щубач. Наталья Богумиловна так и осталась сидеть на стуле с раскрытым ртом, когда Лев Миронович заявил:

– С фонетикой все ясно, Наталья Богумиловна. Благодарю за чрезвычайно информативный доклад, однако перейдем к следующему пункту повестки дня – к аттестации аспирантов.

Оля обвела взглядом присутствующих. Ей показалось, что они посвящены в некую тайну, которая неизвестна ей одной.

– Как известно, аспиранты уже делали доклад о своей работе в мае, – заявил Щубач, – и все они были по результатам данных сообщений и с учетом мнения их научных руководителей аттестованы. Все – кроме одного человека. Кроме вас, Данилина!

Ольга вздрогнула – о чем ведет речь Щубач? Он же месяц с лишним назад поставил подпись под ее годовой аттестацией, и она сама отдала эту бумажку в отдел аспирантуры. И тут Оле вспомнилось, с какой легкостью Лев Миронович перечеркнул оценку, исправив ее на положительную, в экзаменационной ведомости, уже сданной ею в канцелярию. Значит ли это, что и ее аттестация приказала долго жить?

Ей ничего не оставалось, как еще раз зачитать перед всей кафедрой сообщение о проделанной работе. В прошлый раз Щубач был полностью удовлетворен ее сообщением, а члены кафедры проголосовали все, как один, за ее аттестацию. Когда Оля смолкла, Щубач протянул:

– Ну что, у кого-нибудь имеются вопросы?

Вопросов ни у кого не было: все мечтали о том миге, когда заседание завершится и наступит долгожданная свобода.

– Тогда я скажу пару слов! – зловещим тоном произнес декан. Он сцепил на животе руки в замок и заявил: – То, о чем поведала нам Данилина, полнейшая чушь. В течение двух лет обучения в аспирантуре, в особенности в течение

последнего года, она совершенно ничего не делала. Фактический материал, собранный ею, не вызывает ничего, кроме слез, теоретическая глава, которую я прочитал, написана на чрезвычайно слабом уровне.

Оля обомлела – еще несколько дней назад Щубач был совершенно иного мнения о ее работе, даже поставил в пример остальным аспирантам и заявил, что в следующем году она обязательно выйдет на защиту.

– Лев Миронович, как же так? – перебила она научного руководителя. – В мае вы говорили совершенно иное! Ведь так? Мы можем поднять протокол заседания кафедры, там черным по белому написано, что вы довольны моими успехами, да и аттестация тогда уже прошла...

– Аттестация тогда, Данилина, была неофициальная, – ответил с наглой усмешкой декан.

– Как это – неофициальная? – изумилась Оля. – А ваша подпись под бумагой, которую я сдала в отдел аспирантуры, тоже неофициальная?

Лев Миронович раскрыл кожаную папку с золотым двуглавым орлом, которую принес с собой, и извлек из нее лист.

– Вот ваша новая аттестация, Данилина, – сказал он. – Зачитываю для всех: «Аспирантка второго курса Данилина О.А. пренебрегает ведением научной работы, чрезвычайно халатно относится к написанию диссертационной работы, ею за прошедшие два года не было представлено ни единой страницы текста. Данилина О.А. утратила связь с научным

руководителем, в связи с чем она не может быть аттестована за второй год обучения в аспирантуре».

Оля не верила своим ушам. Ей на мгновение показалось, что происходящее – дурной сон.

– Лев Миронович! – простонала Оля. – Все же, и вы в том числе, знаете, что это – ложь! У меня имеются тексты с вашими замечаниями на полях. Если я ничего вам не представляла, то каким образом на этих двухстах с лишним страницах оказались пометки, сделанные вашим почерком? Как я могла утратить связь с научным руководителем, если мы видимся едва ли не каждый день, и я регулярно предоставляю вам новые куски диссертации?

Работники кафедры, как отметила Оля, с затаенным удовольствием наблюдали за ее неравным поединком с Щубачом. Ольга обратилась к Егозиной:

– Наталья Богумиловна, прошу вас, подтвердите, что это так! Вы ведь сами читали мою работу, вас Лев Миронович просил! Вы знаете, что я не лентяйка!

Заведующая кафедрой, испуганно заморгав, промемекала:

– Ольга, не знаю, о чем вы говорите. Лев Миронович – ваш научный руководитель, ему виднее. А вашей работы я в глаза не видывала! И вообще, не впутывайте меня во все это!

Словно оглушенная, Ольга застыла на стуле. Никто из членов кафедры не произнес ни единого слова в ее защиту. Все знали, что Щубач нагло врет, но никто не рискнул воз-

разить ему.

– С учетом вышесказанного ставлю вопрос об аттестации аспирантки Данилиной, – усмехнулся Щубач. – Итак, кто «за»? Ага, вижу, никто «за» не голосует. А сие означает, что вы, Данилина, не аттестованы, в связи с чем я имею полное право поднять вопрос о вашем отчислении из очной аспирантуры. Что я сегодня же и сделаю. Вопросов больше нет?

– Лев Миронович! – воскликнула Ольга. – Я хочу знать, по какому праву...

– Вопросов больше нет! – прервал ее декан. – Наталья Богумиловна, повестка дня исчерпана, заседание кафедры объявляется закрытым. Желаю всем хорошего отпуска!

Загремели отодвигаемые стулья, преподаватели начали собираться домой. Оля бросилась вслед за Щубачом в коридор. Напрасно она пыталась с ним заговорить, декан, делая вид, что не замечает ее рядом с собой, неся к себе в кабинет.

– Лев Миронович, это невозможно! – звывала к нему Оля. – Вы точно знаете, что все сказанное вами не соответствует действительности! Ведь в отделе аспирантуры сохранилась моя аттестация за первый год, в которой вы исторгли похвалы, да и вторая, поданная в мае...

Щубач, на секунду остановившись, смерил ее холодным взглядом и ответил:

– Данилина, ты уверена, что эти бумаги сохранились?

– Неужели... – прошептала Оля. – Вы хотите сказать, что...

– Еще Булгаков говорил: нет бумажки – нет и человечка, –

со злорадной ухмылкой ответил Щубач. – Завтра или, самое позднее, в грядущий понедельник будет издан приказ о твоем отчислении из аспирантуры за неуспеваемость и потерю связи с научным руководителем. А с такой «милой» формулировкой тебя не возьмут ни в один из вузов нашей страны. Ты что, не поняла, что я в университете бизнес делаю? А ты мне помешать пыталась! Придется идти в школу. Хотя я постараюсь, чтобы и там узнали о том, что ты, Данилина, нерадивая и тупая. Так что дорога у тебя одна – детский сад! Или... да, думаю, место уборщицы в ватерклозете на железнодорожном вокзале тебе как раз по плечу.

Декан вновь наподдал газу, а Оля все бежала за ним по коридору, безуспешно пытаясь доказать свою правоту. Когда они оказались около двери деканата, Лев Миронович, обернувшись, сказал:

– А тебе здесь делать нечего. Надо было пропустить Садовникова.

И с треском захлопнул за собой дверь. Ольга потянула на себя ручку, но дверь не поддавалась. Девушка прислонилось к стене, чувствуя, как слезы буквально душат ее. Щубач вознамерился стереть ее в порошок только за то, что она не поставила трояк ленивому и наглому студенту, чей папа ходит в сауну вместе с губернатором? Неужели в жизни все так примитивно?

Минут через десять дверь деканата открылась, из нее выкатился Щубач с шикарным кожаным портфелем в руке. Лев

Мионович явно направлялся домой.

– Прошу вас, мне надо поговорить с вами! – обратилась к нему Оля.

Щубач молча закрыл деканат, поколдовал над сигнализацией и отправился к лестнице. Ольга следовала за ним. Лев Мионович игнорировал свою аспирантку. Около здания университета его ждал новехонький белый «Лексус», которым Щубач безмерно гордился. Он рассказывал всем, что купил его с деканской зарплаты, потому что «умеет экономить». Все делали вид, что верили декану. Лев Мионович прыгнул в салон, автомобиль рванул с места, и Оле даже пришлось отскочить, чтобы не попасть под колеса.

Вернувшись домой, она рассказала обо всем маме. Нина Сергеевна не на шутку встревожилась, но попыталась уверить дочку, что Щубач решил ее просто напугать, он наверняка передумает.

– Какой ему смысл терять такую прилежную аспирантку, как ты? – говорила она.

Оля и сама знала, что смысла в этом поступке нет, но она также знала: Лев Мионович Щубач никогда не прощает оскорблений, нанесенных ему подчиненными, а ее непослушание в ситуации с Садовниковым он воспринял именно как оскорбление.

Вечером она пыталась дозвониться Щубачу домой, но у него было постоянно занято – Оля знала, что у декана стоит навороченный телефонный аппарат, наверняка он занес ее

номер в «черный список». Поэтому она отправилась к соседям, и на этот раз в трубке раздались долгие гудки.

– Алло, – услышала она приятный женский голос, принадлежавший, видимо, супруге декана.

– Добрый вечер, я хотела бы поговорить с Львом Мионовичем, – сказала Оля.

Дама поинтересовалась:

– А кто его спрашивает?

Оля подумала, если она назовет свое подлинное имя, то супруга декана, наверняка получившая наставления мужа, положит трубку. И девушка пустилась на хитрость:

– Меня зовут Инга Тимофеева, я работаю на кафедре, у меня вопрос ко Льву Мионовичу по поводу... выплаты ему отпускных.

– Господи, надеюсь, никакой задержки с деньгами не предвидится? – обеспокоенно произнесла мадам деканша. – Секундочку, Инга...

В трубке раздались шорохи, и Оля услышала ее призывный голос:

– Левушка, возьми, пожалуйста, у себя в кабинете трубочку, тебе какая-то кулема Инга с кафедры звонит, что-то относительно отпускных!

Наконец откликнулся недовольный голос Щубача:

– Инга, в чем дело?

– Лев Мионович, это не Инга, это Ольга Данилина, – на одном дыхании выпалила Оля. – Я хочу знать, что означает

сегодняшний спектакль во время заседания кафедры. – Щубач молчал, и Оля спросила: – Вы еще на проводе, Лев Миронович?

– Данилина, – произнес тот зло. – Учти, у меня имеются хорошие связи в прокуратуре. Если посмеешь позвонить мне домой еще раз, то клянусь, тебя упекут в каталажку за телефонный терроризм. Скажу, что ты звонила, угрожала мне, матом крыла, квартиру сжечь и меня убить обещала. Я тебе уже сказал – надо было Садовникова пропустить, тогда бы все иначе повернулось. А так ты, Данилина, в жопе. Желая тебе там и оставаться.

Лев Миронович повесил трубку. Оля, поблагодарив соседей, побрела домой. Она не знала, что ей делать. Щубач, как она поняла, не шутил. И приказ об ее отчислении из аспирантуры появится в самое ближайшее время.

Два дня они провели с мамой на даче, где Оля пыталась тщетно забыть о произошедшем. Едва они переступили порожек квартиры, зазвонил телефон. Нина Сергеевна схватила трубку и быстро протянула ее дочери:

– Наверное, он передумал! Все будет хорошо!

– Лев Миронович? – внезапно осипшим голосом произнесла Оля.

В трубке послышался смешок, и низкий мужской голос произнес:

– На ваше счастье, Ольга, нет. Два дня вам звоню, а вас нет. Уж думал, вы в Патагонию сбежали. Вас беспокоит Мстислав Романович Милославский. Знаете такого?

– Ой, Мстислав Романович... – выдохнула Ольга.

– Я прослышал о несправедливом, вернее, беспардонно-хамском отношении к вам со стороны вашего научного... пардон, бывшего научного руководителя, – продолжил Милославский. – Подобное поведение мне знакомо: господин декан как был, так и останется плебеем, а при этом претендует, совершеннейше, отмечу, безосновательно, на роль патриция. Знаете, что я держу в руках? Приказ о вашем отчислении из аспирантуры.

– Значит, уже ничего изменить нельзя... – уныло произнесла Ольга.

Милославский хохотнул:

– Не стоит умирать раньше времени! Даже если вас проглотил Годзилла, то выход всегда найдется – или вперед, или назад. Приказ-то имеется, в отделе аспирантуры его подготовили, но ректор его не подписал. Лев Миронович окончательно потерял чувство реальности – решил, что может поступать, как восточный сатрап, руководствуясь исключительно собственными желаниями. Впрочем, пардон, он не сатрап, а евнух в гареме султана, который вдруг решил, что является правителем империи. Знаете, что в стародавние времена с такими евнухами делали? Сажали на кол!

Оля хихикнула, представив себе Щубача в роли евнуха, да к тому же посаженного на кол.

– Ну вот и хорошо, что оптимизм к вам вернулся, – констатировал профессор Милославский. – Ректор, как и я, возмущен подобным поведением декана. У меня уже имеется согласие со стороны нашего университетского шефа... Он не позволит выбросить вас под надуманным предлогом из аспирантуры. Но и оставаться у Щубача вы не сможете – защититься он вам все равно не даст. Вам такой научный руководитель разве нужен?

– Нет, – ответила Оля.

– Я тоже придерживаюсь подобного мнения, – сказал Мстислав Романович. – Приезжайте сейчас в университет, на мою кафедру, поговорим.

Разговор закончился тем, что Ольга Данилина стала ас-

пиранткой Мстислава Романовича Милославского. Когда в университете распространилась об этом весть, то многие отказались в это поверить: о «братской любви», вернее, лютой вражде между обоими учеными было очень хорошо известно.

Щубач рвал и метал, громогласно заявляя, что «двоечница Данилина» никогда не сумеет защититься, кишка, мол, у нее тонка. Но Оля под руководством Милославского в течение нескольких месяцев полностью переделала теоретическую и практическую части диссертации, и Мстислав Романович объявил ей: защита состоится в декабре – или никогда. Ольге пришлось сидеть ночи напролет, чтобы в срок сдать текст, собрать массу документов, написать автореферат и разослать его членам совета. Наконец она смогла вздохнуть свободно: пятнадцатого ноября все было завершено, а семнадцатого декабря предстояла защита.

Ее бывший научный руководитель не оставался бездейственным. Когда, сталкиваясь с ним в университетских коридорах, Оля вежливо приветствовала Льва Мироновича, лицо того каменело, он, плотно сжав губы, делал вид, что не знает ее. Считая себя до смерти оскорбленным, Щубач принялся распространять слухи о том, что Милославский переманил у него аспирантку, у которой была практически готова диссертация, и теперь почивает на лаврах «великого ученого». Ольга и Мстислав Романович посмеивались над подобными заявлениями, а всем желающим демонстрировался

документ из отдела аспирантуры, в котором декан оповещал общественность, что Ольга в течение двух лет не представила ему ни строчки.

– Так что наш могущественный друг, а точнее, бессильный недруг должен объяснить сию антимонию: либо он пытался отчислить из аспирантуры нерадивую аспирантку, но тогда ему нечего стенать, что вы перешли ко мне, или же Лев Миронович намеренно хотел избавиться от молодой ученой, у которой была готова диссертация, но тогда возникает масса вопросов касательно того, почему он жаждал сделать это и отчего он врет об истинных причинах вашего перехода к другому руководителю, – сказал как-то Милославский.

Ольга успокоилась: она знала, что с новым научным руководителем ей бояться нечего. И вот настал долгожданный день – четверг, семнадцатое декабря.

Оля сидела сейчас на подоконнике, погрузившись в воспоминания, и тут увидела Мстислава Романовича, выворачивающего из-за угла. Он, широко улыбнувшись, произнес:

– А вы – ранняя пташка, Ольга! Однако похвально, что вы уже на месте. Вы когда-нибудь присутствовали на защите диссертации?

– Два раза, – ответила Ольга.

Милославский качнул головой и сказал:

– Вполне достаточно. А то некоторые дамы с разных кафедр ходят туда с завидным постоянством в течение многих лет, как некоторые посещают церковь. До вас будет за-

щищаться аспирантка с немецкого отделения, вам желательно присутствовать. Вы идете сразу за ней. Председатель совета намеренно объявляет перерыв только после окончания вашей защиты, перед третьим соискателем. Лев Миронович наверняка приложит все усилия для того, чтобы сорвать процедуру. Он, если бы мог, просто не явился бы на защиту и подговорил бы еще нескольких членов совета поступить так же – тогда бы не было кворума, и все наши старания пошли бы прахом. А так он в числе прочих коллег распишется в самом начале в ведомости, что присутствует на заседании совета, и будет вынужден остаться после первой защиты и на вторую – вашу. И коллеги тоже!

Оля знала, что именно с такой целью – чтобы Щубач и его единомышленники не сорвали защиту – ее и поместили между двумя другими аспирантами.

– Готовьтесь к тому, что кое-кто будет задавать вам каверзные вопросы, – сказал Мстислав Романович. – Сам Щубач сделать этого не сможет: будет плохо смотреться, если он прилюдно начнет вас топить. Однако мне стало известно, что он ведет активную пропагандистскую работу среди прочих членов совета, упирая на то, что я-де украл у него аспирантку и присвоил плоды его трудов.

– Догадываюсь, – кивнула Оля. – Лев Миронович сначала всем говорил, что решил отчислить меня, так как я лодырничала и не работала над диссертацией, теперь же утверждает противоположное – якобы диссертация у меня была готова,

а вы только поставили на титульном листе в графе «научный руководитель» свое имя.

– Лев Миронович не силен в логике, зато ложь – его конек, – ответил Милославский. – Однако нечего вам сидеть на холодной батарее, пойдемте на кафедру. Кофе с коньяком хотите для храбрости и успокоения нервов? У меня имеются запасы...

От коньяка Оля отказалась. На кафедре появились преподаватели, бросавшие любопытные взгляды в сторону Ольги. Она знала, что все задаются вопросом: что же произойдет сегодня на заседании диссертационного совета? В том, что двум другим соискателям – даме с немецкого отделения и господину с английского – будет единогласно присуждена степень кандидата филологических наук, никто не сомневался. А вот что ждет ее? Неужели она станет первой в истории университета аспиранткой, которая провалится на защите?

– Не волнуйтесь, все пройдет хорошо, – по-отечески заявил ей профессор Милославский. – Лев Миронович явно переоценивает свое влияние на коллег, хоть он и склоняет их к тому, чтобы проголосовать против вас. Ведь речь идет не только о том, чтобы опозорить вас, Ольга. Люди же понимают, что отрицательный результат голосования ударит в первую очередь по престижу совета, его председателя и ректора нашего вуза. А этого никто не допустит.

Оля взглянула на себя в зеркало, висевшее на стене, и вы-

мученно улыбнулась – ее лицо приняло зеленоватый оттенок. Она не могла сказать, что волнуется, единственное, чего ей бы хотелось, – как можно быстрее услышать: «На этом, уважаемые коллеги, заседание нашего диссертационного совета объявляется закрытым».

Появилась мама в сопровождении пожилой профессорши из Ярославля – Нина Сергеевна забрала ее в гостинице «Октябрь» в центре города и привезла в университет. Мама пожелала дочери всего самого хорошего и отправилась за другой оппонентшей.

Милославский разговорился с профессоршей, Оля взглянула на часы: было без четверти десять. Приближалось время первой защиты, и девушка проследовала в аудиторию 4-01 «А», расположенную в соседнем корпусе. Выстроенная амфитеатром, просторная, с мягкими креслами, она использовалась для особых случаев. Защита диссертаций была именно таковым.

Оля расположилась в последнем ряду. Происходящее внезапно показалось ей нереальным – как будто она видит страшный, но чрезвычайно увлекательный сон. Неужели все это происходит с ней, Ольгой Данилиной?

Аудитория начала заполняться членами совета – докторами и кандидатами наук. Несколько человек из других городов, как знала Оля, не смогли приехать, а это значило, что решающим может быть каждый голос. На заседании должны присутствовать не менее двух третей членов совета. За нее

должны проголосовать также как минимум две трети присутствующих. То, что Щубач вычеркнет в бюллетене слово «Да», оставив «Нет», она не сомневалась. А вот скольких сторонников ему удалось заполучить?

Она заметила Льва Мироновича – в вельветовом костюме кофейного цвета и бордовой водолазке он быстрым шагом прошествовал к креслу в середине зала. Появилась distinguished профессор – председатель совета, за которой семенила ученый секретарь, несшая по экземпляру диссертации каждого из соискателей. В президиуме расположились оппоненты дамы с немецкого отделения, председатель совета, ее первый заместитель и ученый секретарь.

Пожилая профессор, тряхнув большим бронзовым колокольчиком, призвала всех к тишине и оповестила о начале заседания. Оля не особо вникала в детали обсуждаемой лингвистической проблемы, следя за тем, как держится соискательница, как она отвечает на вопросы (после каждого следовало прежде всего говорить: «Спасибо за вопрос» и упомянуть имя-отчество того члена совета, который вопрос задал). Наконец соискательнице было предоставлено последнее слово (Оля усмехнулась – как будто речь идет не о защите диссертации, а о расстреле), после которого председатель объявила:

– Теперь же, уважаемые коллеги, вы должны определить членов счетной комиссии, чтобы иметь возможность перейти к тайному голосованию.

Полчаса спустя был оглашен результат: из четырнадцати членов совета, принимавших участие в заседании совета, было подано четырнадцать голосов – все высказались за присуждение ученой степени кандидата наук.

В перерыве между голосованием и обнародованием результатов появилась Нина Сергеевна в сопровождении миловидной, длинноволосой, сильно хромавшей женщины – второго оппонента Ольги. Мама поцеловала дочку в лоб. Сразу после этого председатель провозгласила:

– А теперь, уважаемые коллеги, перейдем ко второй защите. Перерыв, как вам известно, будет объявлен после нее, так что прошу никого не покидать заседание без особой на то надобности. Итак...

Ученый секретарь зачитала необходимые биографические данные Ольги, затем слово было предоставлено ей самой. В течение десяти минут Оля представила результаты диссертационного исследования на тему «Структурно-семантические модели конвергенции в глагольной номинации французского языка».

– Благодарю вас, Ольга Андреевна, – сказала председатель совета, когда Оля замолчала. – Прошу задавать вопросы к нашему уважаемому соискателю.

Первый и второй вопрос оказались легкими: из ученых мало кто внимательно слушал доклад аспиранта, некоторые читали газеты или тихо переговаривались. Достопочтенные члены совета хотели, чтобы Ольга прояснила кое-какие показавшиеся им спорными пассажи в автореферате.

Оля, отвечая на вопросы, бросила взгляд на Щубача. Тот, посверкивая очками, восседал в кресле, как изваяние языческого божка. По правую руку от него расположился господин весьма объемных размеров с елейным выражением блинообразного лица – заведующий кафедрой иностранных языков политехнического университета доцент Кабанян. Два года назад Кабанян был председателем дипломной комиссии, его витиеватая подпись стояла на документе, удостоверяющем то, что Ольга получила высшее образование. А еще Каба-

нян был собутыльником Щубача, и Ольга была уверена, что толстый доцент, походивший на трансгалактического злодея Весельчака У, не просто так оказался на заседании совета.

По левую руку от Щубача восседала сухопарая невысокая дама с шапкой седых волос и вечной печально-презрительной миной – профессор Алферова. Она работала в университете с момента его основания, в течение двадцати с лишним лет возглавляя кафедру английской филологии. Не так давно ей пришлось уступить место более молодой коллеге, защитившей в Москве докторскую (сама Алферова, несмотря на профессорскую должность, была кандидатом наук), этим-то и объяснялось ее перманентно плохое настроение. О профессорше Алферовой, обожавшей карликовых пуделей и державшей дома не меньше полудюжины собачек (она даже притаскивала их в обход всех запретов в университет и демонстрировала всем худосочных пугливых четвероногих в собственноручно связанных шерстяных попонках, в обязательном порядке ожидая от собеседников немедленной реакции – сладострастного умиления), остряки утверждали, что она обращается с собаками, как с людьми, а с людьми, как с собаками.

После Оли должен был защищаться аспирант Алферовой, и в оппонентах у него были – что за совпадение! – Щубач и Кабанян. Знала Ольга и о нежной дружбе между бывшей заведующей кафедрой и деканом – он приложил немало усилий, чтобы убедить ректора оставить ее на посту, но тот счел,

что факультету требуется приток молодых сил.

Толстяк Кабанян, элегантно вскинув пухлую белую руку, оповестил о своем желании задать вопрос. Получив разрешение председателя совета, он неспешно поднялся и вкрадчивым бархатным голосом произнес:

– Ольга Андреевна, мне хотелось бы знать, использовали ли вы в работе над своей диссертацией труды профессора Винтенберг?

Имя известной ученой, специалиста в первую очередь по английскому языку, было Оле знакомо, однако она честно ответила:

– Нет, но...

– Ах, как занимательно, – проворковал Кабанян, буквально излучая любезность и радость. – Хочу сообщить вам, Ольга Андреевна, что уважаемая профессор Винтенберг в своих работах уже много лет назад чрезвычайно подробно осветила тему, которую вы безосновательно презентуете нам как совершенно новую...

Оля поняла, что это месть Щубача. Наверняка он попросил своего приятеля задать пару вопросов «этой мерзавке», да таких, чтобы всем стало ясно – ее работа, которой руководил Милославский, не более чем компиляция.

Председатель быстро прервала Кабаняна:

– На английском материале, уважаемый Алексей Викторович, на английском материале!

Кабанян скривился и нехотя добавил:

– Признаю правоту ваших слов, действительно на английском материале. Но в любом случае в трудах профессора Винтенберг речь ведется об информационном потенциале лексического значения глагола, и примеры соискательницы – глаголы звучания, выступающие в функции глаголов перемещения, – там очень подробно описаны. В таком случае мой вопрос превращается в реплику.

Оля, поблагодарив Кабаняна, пояснила, что в ее работе представлен совершенно новый подход к рассмотрению давно известного явления, притом на материале французского языка, чего до сих пор сделано не было. Щубач, слушая ответ бывшей аспирантки, кусал губы – видимо, то, что она будет активно защищаться, не входило в его планы.

Следующий вопрос последовал от профессора Алферовой, которая, демонстрируя собственный авторитет, как и Кабанян, пыталась представить работу Ольги в негативном свете. При этом она намеренно искажала факты, изложенные в автореферате. Милославский предупредил Олю – даже если члены совета будут ошибаться, настаивая на своей точке зрения и неверно цитируя ее работу, не стоит прямо указывать им на это. Поэтому Ольге пришлось задействовать все свое красноречие, чтобы, с одной стороны, пояснить, что в диссертации ничего такого, упомянутого Алферовой, нет, и, с другой, все же ответить на вопрос, по существу бессмысленный.

После одиннадцатого вопроса члены совета выдохлись,

председатель попросила оппонентов зачитать свои отзывы на диссертацию, а после них слово взяла ученый секретарь, представившая отзыв ведущей организации, иногороднего вуза – Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого – и два отзыва на автореферат. На все замечания, пожелания и рекомендации у Оли были заранее подготовлены ответы, и бодро зачитать их с листа не составляло труда.

Вот наступило и время для последнего слова. Ольга заметила, что мама, сильно переживавшая за дочку, раскраснелась. Улыбнувшись ей и понимая, что Нина Сергеевна волнуется сейчас даже больше, чем она сама, Оля поблагодарила «первого научного руководителя Льва Мироновича Щубача». Глаза того забегали, и Ольга была готова дать руку на отсечение – будь на то его воля, Щубач попросту придушил бы ее сейчас прилюдно, прямо на заседании совета. Звонкой пощечиной прозвучали звание и должность Щубача – «доктор филологических наук, доцент». Лев Миронович заерзал в кресле: еще бы, ведь он на каждом углу утверждает, что является профессором! Он наверняка сочтет, что это очередная пакость со стороны «гадюки Данилиной».

– Особую благодарность я адресую своей маме, – завершила Ольга последнее слово.

И вновь была создана счетная комиссия из трех человек, и вновь члены совета получили бюллетени и один за другим исчезали за черной ширмой в углу – там располагалась

опечатанная урна. Наконец заседание возобновилось и были объявлены итоги голосования. Председатель счетной комиссии, невысокий, располагающий к себе профессор из Саратова, сообщил:

– На заседании сегодня присутствовало четырнадцать членов совета, из них четыре доктора наук по профилю. Было роздано четырнадцать бюллетеней. В урне оказалось четырнадцать бюллетеней. Результаты голосования следующие: «за» проголосовали двенадцать человек, «против» два человека, недействительных бюллетеней нет.

Ольга со свистом выдохнула – два голоса против, но двенадцать «за»! А это значит, что она добилась желаемого – ей присвоено звание кандидата наук. Против наверняка голосовали Щубач и Алферова. Теперь все позади! Вернее, почти все. Предстоит печатать стенограмму заседания совета (ее защита записывалась на пленку), оформлять другие документы, которые в течение месяца после защиты надо отправить в Высшую аттестационную комиссию, в Москву, и в библиотеки. Теоретически такое возможно, что столица не подтвердит решения диссертационного совета, но практически вряд ли, даже если учесть, что Щубач может обратиться с кляузой. Как успокоил Олю Милославский, в Москве, рассматривая заявку на утверждение кандидатской степени, диссертации никто не читает. Так что нет повода волноваться.

Последовало бурное, но короткое обсуждение заключе-

ния диссертационного совета, и председатель, довольная результатами самого опасного второго голосования, объявила перерыв, предложив коллегам подкрепиться. Аудитория опустела. Ольга сворачивала шнур проектора, при помощи которого демонстрировала ученым мужам и дамам результаты своего исследования. Краем глаза Оля видела Щубача, который неспешно собирал бумаги, разложенные на столе. Он медленно спустился вниз и оказался всего в двух шагах от Ольги. Бросив на него мимолетный взгляд, она отметила, что Лев Миронович за прошедшие месяцы резко постарел. Видимо, инициированная им самим катавасия бумерангом ударила по нему.

– Ну что, довольна, кандидатка? – произнес негромко Щубач.

Оля удивленно подняла голову – она не ожидала, что бывший научный руководитель заговорит с ней. В глазах Щубача горела лютая ненависть.

Оля ничего не ответила, продолжая сматывать шнур.

– Довольна небось? – продолжил придушенным голосом Щубач. – Но учти, мразь, на моем факультете я тебе работать не дам. Так что забирай свои манатки и двигай подальше отсюда. Тебе это понятно?

Оля посмотрела на Щубача, испытывая к нему невероятную жалость.

– Чего молчишь, сука? Ты меня поняла? – писклявый голос Льва Мироновича сорвался на крик.

– Лев Миронович, вас ждут бутерброды с сервелатом и красной икрой, – ответила Оля. – И соленые грибки.

Щубач попятился, будто слова девушки хлестнули его по лицу. Он воинственно сжал руки, распахнул рот, чтобы выплюнуть очередную гадость, свидетельствующую о его полнейшем бессилии, но в аудиторию заглянула ученый секретарь. И Щубач, сделав вид, что замешкался, направился к выходу. Оля с облегчением вздохнула.

В сопровождении Нины Сергеевны Оля вышла на морозный воздух – она чувствовала невероятную усталость, а вот радости почему-то не было. Члены совета дружной гурьбой отправились на одну из кафедр, где были сервированы холодные закуски, чай и кофе. Оля знала, что ей по этикету тоже следовало бы присутствовать там, но решила, что поступит так, как считает нужным.

Последующие часы пролетели как одно мгновение. Если первой соискательнице задали шестнадцать вопросов, а второй одиннадцать, то аспирант Алферовой, защищавший свою работу последним, после того, как члены совета подзакусили и уже начали грезить о банкете, коим по тому же этикету завершалось любое заседание совета (оплачивали банкет соискатели, а на обсуждение меню с председателем совета – должны иметься не только скромные блюда, ведь на дворе пост, а некоторые члены совета его соблюдают! – было затрачено никак не меньше времени, чем на подготовку документов), мучился недолго: всего лишь семь человек по-

желали прояснить тот или иной момент в его исследовании.

Как и в случае с первой соискательницей, решение членов совета было единогласным – все четырнадцать человек проголосовали «за». После завершения формальностей и сакраментальной фразы председателя, которой новоиспеченные кандидаты наук ждали не менее трепетно, чем желающие основательно пообедать члены совета: «Благодарю всех, кто активно поработал, заседание совета настоящим завершено», – начался массовый исход. Банкет проходил в отдельном зале университетской столовой.

Милославский, налив Оле стопку водки, заметил:

– Ну вот, а вы боялись. Теперь можете спокойно смотреть в глаза вечности. Не забывайте, от вас потребуется тост!

Оля и сама не помнила, что тогда произнесла – ничего не значащие, общие слова благодарности. Да и мало кто внимал речам, члены совета с жадностью набросились на бесплатное угощение.

– Вы заметили, что Льва Мироновича на банкете нет? – иронично спросил Милославский. – Видимо, он решил, что кусок ему в горло не полезет.

– Или подумал, что я подсыпала ему в тарелку стрихнина или пургена, – добавила Оля, чем вызвала приступ бурного веселья и у Мстислава Романовича, и у мамы.

Около шести вечера члены совета стали расходиться. Последовало церемонное вручение подарков оппонентам (в который раз Оля вспомнила незыблемые правила столь лю-

бимой Щубачом научной этики!) и совместная поездка в «Москвиче» в центр города: профессоршу требовалось провозить на вечерний поезд, а доцентшу завезти домой.

После этого с чувством выполненного долга Оля и Нина Сергеевна на автобусе добрались в родной район. Было почти девять, когда они вернулись в темную квартиру. Их с мурлыканьем встретил Олин любимец – кот Васька, которого она несколько лет назад подобрала на улице. Несмышленный котенок вырос, возмужал и превратился в дымчатого красавца, грозу местных мышей и крыс и любимца окрестных кошек.

Продрогшая Оля забралась в горячую ванну и пролежала в ней не менее получаса в полудреме. Вот все и позади! Одна только эта мысль билась в голове. Облачившись в теплый фланелевый халат, Оля прошла в зал. Мама приготовила легкий ужин, но Ольга наотрез от него отказалась. Несмотря на то что на банкете она практически ничего не ела, только выпила чашку горячего бульона, голода не ощущалось.

Нина Сергеевна по телефону с гордостью докладывала об успехах дочери немногочисленным родственникам (у нее имелись две родных сестры и два племянника) и знакомым.

– Ну что, дочка, у меня припасена бутылочка шампанского, – сказала мама, когда завершила последний телефонный разговор. – Мы имеем на это право!

Оля с тоской подумала, что завтра весь день придется печатать стенограмму (ученый секретарь вручила ей аудиокас-

сету с записью защиты с наставлением хранить ее как зеницу ока), а это не меньше сорока, а то и все пятьдесят страниц. Но после этого можно будет немного отдохнуть – приближался Новый год, и председатель совета милостиво разрешила появиться у нее в кабинете аж через неделю, чтобы с новыми силами приняться за оформление документов для Москвы.

Нина Сергеевна принесла бутылку шампанского, которую маме с дочкой совместными усилиями удалось-таки открыть без ущерба для здоровья.

– Вот бы сюда твоего папу, он бы с этим делом справился с закрытыми глазами, – невесело пошутила Нина Сергеевна.

Она была уже много лет в разводе, однако регулярно встречала бывшего супруга у себя на участке – Андрей Петрович Данилин то ошивался около пивного киоска, то выживал пустые бутылки из урны, то в компании друзей-алкоголиков устраивал «пир горой» на детской площадке. Оля уже свыклась с мыслью, что отец бросил их, но никак не могла принять то, что за последние несколько лет из улыбчивого донжуана богатырского сложения Андрей Петрович превратился в исхудавшего, больного горького пьяницу.

Мама разлила шампанское по фужерам, но в тот момент, когда Нина Сергеевна и Оля сдвинули их, чокаясь, в дверь резко позвонили.

– Кто это может быть? – задалась вопросом Нина Сергеевна. Шел одиннадцатый час ночи, и они никого не ждали.

Звонки не смолкали, как будто на лестничной клетке находился сумасшедший. Более того, к ним прибавились грозные удары в железную дверь и приглушенные вопли:

– Да откройте же наконец! Я знаю, что вы дома, свет с улицы виден!

Оля узнала голос тети Тани – второй супруги Андрея Петровича и матери сводной сестры Лорки. О том, что у мужа имеется другая женщина, Нина Сергеевна узнала примерно через год после свадьбы. Каково же было ее возмущение, когда выяснилось, что Андрей познакомился с этой своей пассией не после свадьбы, а еще до нее! Он регулярно посещал Татьяну, а после этого отправлялся к законной и уже беременной жене.

Жила Татьяна неподалеку, а работала она в косметическом салоне, всего в трех кварталах от того дома, где обитали Данилины. И как-то они даже столкнулись в хлебном магазине – две женщины на сносках. Тогда Нина Сергеевна еще не знала, что находится лицом к лицу с соперницей. Муж так и не рискнул сообщить ей правду. Позднее, оправдываясь, он утверждал, что заботился о чувствах жены, не желая преждевременных родов, потому и предпочел вести двойную игру.

Нина Сергеевна узнала о похождениях супруга, когда слу-

чайно отправилась в косметический кабинет. Татьяна давно хотела, чтобы Андрей развелся с женой, и, завидев Ни-ну Сергеевну, не смогла сдержаться. В общем, сидя в кресле с увлажняющей маской на лице, Нина Сергеевна была вынуждена выслушать монолог молодой красивой женщины с каскадом темных волос, жгуче-черными глазами и холерическим темпераментом (отец Татьяны был абхазцем). И Нина Сергеевна была вынуждена признать, что проигрывает по сравнению с Татьяной: та была моложе почти на десять лет и имела потрясающую фигуру.

Татьяна Абдурахмановна сообщила Нине Сергеевне о том, что у нее имеется дочь Лариса, отцом которой является не кто иной, как Андрей Данилин. А появилась она на свет через месяц после рождения Ольги. Новость оглушила Ни-ну Сергеевну, которой показалось, что ее жизнь пошла под откос.

Она выгнала мужа, который сразу переехал к Татьяне. Потребовалось почти шесть лет, чтобы смириться с произошедшим. А затем, к большому неудовольствию Андрея Петровича, его бывшая жена и жена новая... подружились, обнаружив, что разница в характерах и мировоззрениях не мешает им отлично ладить. А их дочери – Оля и Лора – выросли вместе. Андрей Петрович жаловался, утверждая, что женщины объединили силы с единственной целью – сжить его со свету, пытаясь тем самым оправдать свою тягу к крепким спиртным напиткам. Работая инженером в крупном конструктор-

ском бюро, он в советские времена неплохо зарабатывал. И еще он регулярно получал подарки от благодарных директоров заводов и фабрик – раритетные вина, коньяки тридцатилетней выдержки, заморские виски и бренди. С этого все и началось: с началом демократии и рыночной экономики бюро развалилось, Андрей Петрович с трудом нашел место на агонизирующем предприятии, производившем раньше танки, а теперь перешедшем на выпуск кастрюль и дуршлагов. Эксклюзивная выпивка сменилась паленой водкой и дешевым портвейном, и в конце девяностых Андрея Петровича уволили. Татьяна Абдурахмановна развелась с ним, а он, найдя новую подругу – алкоголичку Настю, переехал в ее захламленную однокомнатную квартирку.

Нина Сергеевна распахнула наконец входную дверь, и в прихожую влетела растрепанная тетя Таня. Она давно лишилась осиной талии, но полнота придавала ей особый шарм и ничуть ее не портила.

– С Лоркой что-то случилось! – завопила Татьяна Абдурахмановна, брякнувшись на стульчик около телефона.

Оля знала, что тетя Таня не умеет контролировать эмоции и ей потребуются какое-то время, прежде чем она сможет внятно рассказать о том, что произошло.

Нина Сергеевна принесла ей бокал воды, Татьяна Абдурахмановна, залпом осушив его, запричитала:

– Она мне сегодня звонила, а там такое... Мамка, говорит, я тут в историю вляпалась дурную... Причем шепчет ведь! А

потом слышу мужские голоса, на каком-то языке лопочут, не знаю. Я Лорку кличу, а вместо ответа – ее крик. И все! Связь прервалась! Что же там с ней такое? Как мне узнать?

Тетя Таня зарыдала, прижавшись щекой к фланелевому халату, который был на Оле. Нина Сергеевна провела плачущую женщину в гостиную, усадила на старенький диванчик. Минуты через три слезы пошли на убыль, Татьяна Абдурахмановна воскликнула:

– В милицию надо звонить! Где телефон? Немедленно подайте мне телефон!

Оля, хорошо изучившая характер тети Тани, быстро принесла аппарат. Татьяна Абдурахмановна дрожащими пальцами набрала номер и закричала:

– Моей дочери угрожает опасность... Тьфу ты, я голос услышала, думала, что кто-то на проводе, а это запись. «Подождите, вас соединят, как только представится возможность...» Алло! Милиция? Я в милицию звоню! Это что, разве не милиция?

Оля знала, что напор тети Тани никто не может сдержать. И уж точно не дама, принимающая телефонные звонки в городском управлении милиции.

– Мою дочь похитили! Или хотят убить! Или изнасиловать! Нет, я точно не знаю, что именно ей угрожает... Я с ней говорила по телефону и... А, там выстрелы еще были! Да, да, я уверена, что выстрелы. Адрес? Какой адрес? Ах, где мою дочь убивают? Так я откуда знаю? Это вы – милиция, ваша

задача преступников ловить! Женщина, какая же вы непонятливая, ведь русским языком вам говорю – я по телефону слышала, как кто-то напал на мою дочку Лорочку, а до этого еще выстрелы. Она мне по мобильному звонила! Вы же можете вычислить, где она располагается? Не можете? И это называется «доблестная милиция»? Сделайте же что-нибудь! Повторяю вам, я не знаю, где моя дочка... Она сейчас в Испании, поехала туда в бар работать, из Испании и звонила. Да, да, из Испании. Что вы мне сказали? Не надо меня ни с кем соединять!

Оля и Нина Сергеевна, привыкшие к характеру Татьяны Абдурахмановны, сидели на диванчике и ждали, пока что-нибудь прояснится. Тетя Таня, прикрыв трубку рукой, произнесла:

– Боже мой! Тоже мне, правоохранительные органы! Сказали, что если преступление произошло за границами Российской Федерации, то они не могут ничего поделать.

– Таня, ты сама посуди, не высылать же им в Испанию бригаду спецназа, – вставила Нина Сергеевна. – Да ты и сама, как я поняла, толком не знаешь, что с Лорой случилось и случилось ли вообще что-нибудь...

Татьяна Абдурахмановна от неожиданности положила трубку на рычаг и напустилась на нее:

– А если бы с твоей доченькой что-нибудь случилось, как бы ты разговаривала, Нина? Тоже сложа руки сидела? Когда же меня соединят?

Сообразив, что соединить ее уже ни с кем не смогут, потому что она положила трубку, тетя Таня снова заплакала. Нина Сергеевна прижала ее к себе и погладила по длинным шелковистым волосам.

– Сейчас мы все выясним, – сказала Нина Сергеевна. – Во всяком случае, попытаемся. Оля, дай мне, пожалуйста, телефон...

Спустя сорок минут ситуация несколько прояснилась, хотя Татьяна Абдурахмановна была уверена, что на самом деле запуталась. Нина Сергеевна переговорила с начальником отделения, который сообщил ей, что связаться с Испанией нет ни малейшей возможности.

Тетя Таня рвалась отправиться в Европу, чтобы узнать, какова судьба ее дочери.

– Таня, ты же понимаешь, что туда тебя без визы никто не пустит, – сказала Нина Сергеевна. – Ведь у тебя даже заграничного паспорта нет!

Лорка загорелась идеей отправиться на работу за границу два года назад. Как-то погожим майским деньком Лорка и Оля прогуливались по центру Нерьяновска. Лариса учила сводную сестру жизни – себя она считала особой чрезвычайно опытной в любовных делах и никак не могла смириться с тем, что у Ольги нет поклонника.

– Ты вся в свою маманю пошла, – философствовала она. – И внешностью, и образом мышления, и даже стилем одежды. Ну скажи мне, кто так сейчас одевается?

Оля не понимала, чем Лорку не устраивает добротный брючный костюм. Сама Лариса, обладавшая великолепной фигурой, обожала мини-юбки, яркую косметику и блестящие украшения. Она хвасталась тем, что ей уже три раза предлагали выйти замуж, но она гордо отказалась.

– Зачем мне сейчас муж, детишки, свекровь-злыдня? – вещала она. – Пока я молодая, хочу насладиться жизнью на полную катушку! И уж точно не стану в этой, как ее, в аспирантуре сохнуть!

Лорка осуждала сестру, которая чахла за учебниками в школе, затем поступила в университет, а потом и вовсе подалась в аспирантуру. Лариса же с трудом окончила девять классов, затем отучилась в торговом училище, проработала три месяца продавцом в ликеро-водочном магазине (там

с ней произошла ужасная история: хозяин заявил, что из подсобки исчезло четыре ящика дорогоущего коньяка, причем якобы в смену Лорки; и хотя все знали, что хозяин врал, поделаться ничего было нельзя, пришлось Татьяне Абдурахмановне продать последние семейные реликвии – золотой перстень с гранатом и платиновую цепочку, чтобы убедить наглеца не доводить дело до суда), а затем поочередно в кафе-мороженом, двух пиццериях, ночном клубе «Молотофф-гараж» и под конец в закусочной «Волшебник Гудвин». Зарабатывала Лорка немного, однако получала щедрые чаевые, которые в течение считанных дней растрчивала на модные одежды.

– А что будет, когда молодость пройдет? – убеждала ее Оля. – И с чего ты взяла, что то, чем я занимаюсь, мне не нравится? И я вовсе не сохну в аспирантуре!

– Сохнешь! – отрезала Лорка. – Вот ведь с трудом тебя вытащила на улицу, а то с утра до ночи сидишь, корпишь над книгами, чего-то учишь!

– У меня на носу защита диплома, а потом – вступительные в аспирантуру, – пыталась оправдаться Оля, но Лорка упорно не желала ничего слушать.

– Я вот из наук знаю только, что «Горе от ума» накатал Пушкин. И че, плохо мне от этого живется? – заявила Лариса.

Оля помнила: за все время обучения в школе Лорка прочла одну только книжку (то самое «Горе от ума»), а осталь-

ные, пролистав пару страниц и зевнув, сдавала обратно в библиотеку. Когда требовалось написать сочинение, Лорка бежала к Оле или скатывала шаблонные тексты из пособий в помощь нерадивым школьникам.

– «Горе от ума» принадлежит перу Александра Сергеевича, но не Пушкина, а Грибоедова! – вздохнула Оля.

– Какая, блин, разница! – отрезала Лариска. – Что Грибоедов, что Плодожоров, что Гоголь, что Моголь – все едино: скукота страшная! И как ты можешь такое в своем универе учить?

Они шли по длинному проспекту Ленина, который прорезал Нерьяновск с севера на юг. Несколько раз машины, которые проносились по проезжей части, притормаживали, молодые (и не очень) люди, увешанные золотом и одетые в кожу, посылали Лорке воздушные поцелуи и что-то кричали.

Лариса наслаждалась всеобщим вниманием. Оля знала, что Лорка права: сама она принадлежит к другой породе, ей вслед никто не будет оборачиваться, никто не будет кричать приветствия из окна шикарной иномарки. Но Оля была этому рада и пыталась объяснить сестре, что путешествие по кривой дорожке может закончиться весьма печально.

– Да ты за кого меня принимаешь? – завопила Лорка, чей темперамент превосходил по своей мощности даже темперамент ее мамы, Татьяны Абдурахмановны. – Я ж тебе не какая-нибудь проститутка! У меня мой Димка есть! Может, я за него замуж и выйду!

– Ты же только что заявляла, что хочешь пока жизнью насладиться, – припомнила Оля, но Лорка сделала вид, что не расслышала.

– Вот бы в лотерею выиграть десять миллионов... А лучше двадцать! – фантазировала Лорка. – И не рублей, а долларов. Или этих, как их, евро.

– Евро, – поправила машинально Ольга. Она давно и безнадежно пыталась исправить и разнообразить Лорин словарный запас, убеждая ее, что не имеет смысла именовать милицию «ментами», женщин «бабами» или «кошелками», а поклонников мужского пола «кобелями». Впрочем, успеха это не приносило, и спонтанные мини-лекции Оли об инвективах, то есть бранных выражениях, преступном арго и жаргоне представителей криминальной среды на Лорку воздействия не оказывали.

– Как хочу, так и говорю, – хмыкала Лариса. – Че, мне по каждому поводу в толковый словарь лезть?

Не в состоянии найти контраргументы при такой постановке вопроса, Оля была вынуждена слушать, как Лорка рассуждает:

– Или кошелек найти, а там – миллион...

– Ну, тогда тебе целый сейф на дороге подобрать надо, – съязвила Оля, но сарказма Лорка не понимала.

Распахнув огромные черные глазищи, подведенные серебристыми тенями, она на полном серьезе заметила:

– А че, вот вчера по телику фильм гоняли, так там одна

баба, молодая такая, а шустрая, у бандюганов уперла чемоданчик. Небольшой совсем, а в нем – пять миллионов баксов. И она потом с любимым на какой-то остров укатила!

Лорка, несмотря на заверения в своей сверхопытности и суперхитрости, была особой на редкость доверчивой и непрактичной. Оля не стала рассеивать иллюзии сестры – если попытаться сказать ей, что в голливудском фильме может быть все, что угодно, она ведь не поверит, начнет посреди улицы вопить во все горло, что и в реальной жизни такое бывает. Еще и обидится. А сестру Оля нежно любила.

– Или клад найти, как в том фильме, где мужик в шляпе за древностями охотится, а за ним бандюганы по пятам бегают...

– Индиана Джонс, – подсказала Оля.

Лорка ответила:

– Да хрен его знает, как мужика зовут. Хотя нет, лучше всего мужа богатого найти! Такого, чтобы и машина была крутая, а лучше не одна, и домина огромный, пусть тоже не один, и свекровь...

– Тоже в двойном количестве, – улыбнулась Ольга.

Лорка вспыхнула:

– И свекровь чтобы где-нибудь подальше находилась. Например, в доме для престарелых или на кладбище. Вот ведь жизнь-то будет! Дом у него в четыре, нет, пять этажей...

– Лучше все-таки шесть, – вставила Оля. – Так, чтобы на лифте было удобно добираться из туалетной комнаты до гар-

деробной и обратно.

– Верняк! – принимая за чистую монету слова сестры, промолвила Лорка. – И бассейнище с прозрачной водичкой...

– Тоже не один, – продолжила Оля. – Плохо, правда, если воду отключат. Хотя нет, тогда, если что, запасы большие можно сделать, даром, что ли, в доме два бассейна. И бельишко в джакузи можно будет простирнуть, и голову в биде вымыть.

Лорка кивала, не понимая иронии. Она вошла в раж, рисуя перед собой картину невероятного благосостояния, которое принесет ей замужество с...

– Пусть он будет известным певцом, вот! Хотя нет, они же все «голубые», а если не «голубые», так на старых кошелках женаты.

– Тогда, может, с министром? – подсказала Оля. – Лучше с премьер-министром.

– Это с каким таким премьером-министром? Одним из группы «Премьер-министр», что ли? Нет, мне они не катят.

– Я имела в виду политического деятеля, – сказала Оля.

– Ну, в политике я ничего не соображаю, мне бы кого-нибудь попроще, – отмахнулась Лорка. – К примеру, этого, как его... олигарха, вот!

– Олигархи нынче не в почете, – прояснила ситуацию Оля. – Они или в тюрьме, или за границей в изгнании, или на страницах романов Татьяны Устиновой.

– Жаль, – протянула Лорка, сообразив, что Ольга говорит истинную правду. – Тогда кого бы мне выбрать? Может, энтого, с клюшками которые бегают или с мячом... спортсмена?

Воздух прорезал пронзительный сигнал автомобиля, около девушек затормозила темно-зеленая «БМВ» с тонированными стеклами. Лорка немедленно забыла о матримониальных планах, которые только что мучили ее, как будто богатые женихи стояли в шеренге и ждали ее вердикта. Она кокетливо улыбнулась и прошептала:

– Ну вот видишь, клюнули на меня! Наверняка предложат с ними прокатиться. Но я не поеду, знаю, чем такое заканчивается. Но внимание со стороны кобелей все равно приятно. А ты что с таким кислым лицом?

Одно из стекол поехало вниз, и Оля узрела дородного господина средних лет в шелковом костюме бордового цвета и с бордовым же галстуком. В руке, один из пальцев которой был увенчан перстнем с непомерно большим камнем (Лорка, подмигнув сестре, шепнула: «Глянь, какой брюлик, крупнее, чем в императорской короне»), он зажал тонкую ментоловую сигарету. Господин был абсолютно лыс, а верхнюю губу украшала тонкая полоска напояженных усов. Такими, вспомнилось Оле, в столь любимых Лоркой американских боевиках изображаются мафиози среднего пошиба.

– Девушки, добрый день, – произнес господин приятным низким голосом. – Всегда приятно в столь прелестный день

увидеть не менее прелестных барышень. Хотите, подвезу?

– Спасибо, но мы уже пришли, – махнув рукой в сторону библиотеки, сказала Оля.

«Мафиози», одарив ее улыбкой и продемонстрировав идеально белые, наверняка фальшивые зубы, переключился на Лорку.

– Как тебя зовут, милая? – спросил он, и сестра, к негодованию Оли, растаяв от внимания владельца «БМВ», который, вероятно, полностью соответствовал ее представлению о богатом муже, глупо хихикнула и ответила:

– Лорочка.

– Прекрасное имя, – сказал господин. – Вот что, Лорочка, держи-ка мою визиточку. – Он протянул Лариске прямоугольник цвета слоновой кости. – Меня зовут Альберт Феокистович, – заметил «мафиози», – я – владелец модельного агентства «Снежная королева». Думаю, могу обеспечить тебя работой. Заходи как-нибудь, побеседуем, Лорочка!

Стекло поплыло вверх, «БМВ», просигналив, влилась в поток машин. Лариса, вцепившись в визитку, упоенно пробормотала:

– Я так и знала, что стану моделью! Подиум – это для меня! А че, наши русские бабы сейчас по всяким Парижам американским мотаются, на обложках журналов печатаются, баксы и евры гребут! Чем я хуже этой, как ее, Джулии Шиффер...

Не понимая, кого Лорка имеет в виду – обожаемую ею

Джулию Робертс, героиню фильма «Красотка», или Клаудию Шиффер, пожелтевший постер с изображением коей уже который год украшал спальню сестры, – Оля взяла карточку. На кусочке плотного картона готическими буквами было выведено: «Альберт Феокистович Толкунов, генеральный директор модельного агентства «Снежная королева», а также указаны адрес, два телефона (городской и мобильный) и номер факса.

– Вот оно, счастье! – заявила, отбирая у Ольги визитную карточку, Лорка. – Смотри не потеряй. Завтра же пойду туда, а через год обо мне будет знать вся страна!

Лорка, которая обычно редко когда вспоминала об обещаниях, данных кому бы то ни было, изменила своей обычной практике и на следующий день посетила агентство Альберта Феокистовича. Она пробыла там около трех часов, вернулась наэлектризованная, огорошила Татьяну Абдурахмановну заявлением о том, что требуется сделать «эту, как ее, бишь, портифолию» – серию фотографий в различных позах.

Оля настороженно отнеслась к обещаниям, которыми Альберт Феокистович и его помощники напичкали девушку, и попыталась объяснить Лорке, что супермодель из нее вряд ли получится.

– А я теперь супермоделью становиться и не хочу, – ответила она. – Я в Японию поеду! У желтопузых и узкоглазых русские девушки в почете. Я с несколькими девчонками поговорила, они туда по три раза мотались, одна купила себе

трехкомнатную квартиру, другая – две «Газели», и теперь ее папаша и брат шоферят, частным извозом деньги заколачивают.

Фотографии, которые требовалось представить лично Альберту Феокистовичу, больше походили для публикации в эротическом журнале, чем для каталога русских красавиц. Лорка сообщила, что генеральный директор в восторге от нее и обещал в самом скором времени отправить за рубеж.

Еще нужно было сдать триста долларов и принять участие в пятидневных курсах, на которых обещали обучить всем премудростям модельного бизнеса. Татьяна Абдурахмановна, не устояв перед натиском дочери и плененная ее обещаниями, что скоро они будут купаться в деньгах, сняла с книжки последние сбережения. На курсах, как выяснилось, проходили стажировку новые подружки Лорки – продавщицы из «Детского мира», универмага, гастронома и «комков», а также официантки из забегаловок и нянечки из яслей.

Лорка получила свидетельство, которое подтверждало ее участие в курсах, и со дня на день ждала вызова в Японию. Так пролетело несколько месяцев. Лорка по-прежнему работала в закусочной, уверяя, что еще немного, и она, как и прочие девицы, поедет за рубеж. Через год после первой встречи с Альбертом Феокистовичем Оля едва не поссорилась с Ларисой, когда заявила ей, что все обещания генерального директора – детский лепет.

– Если бы он хотел и мог, то ты давно уехала бы в свою

Японию, – сказала Оля. – А то год прошел, а воз и ныне там.

– Какой воз, что ты мелешь! – закричала Лорка, не особо разбиравшаяся в баснях дедушки Крылова.

– И вообще, не все так просто! Это только одни едут, а другие...

Лариса поведала Ольге, что Альберт Феокистович отправляет на работу за рубеж в первую очередь тех девушек, которые уступают его натиску.

– А по-простому говоря, тех, кто с ним трахается, – без сантиментов заявила Лорка. – Он и ко мне приставал, похотливый кобель, но я ему по лапам дала. Он и сказал, что в таком случае шансов у меня мало. Девки, которые с ним спят, туда-сюда мотаются, правда, когда приезжают, двадцать процентов ему отдают. Одна попыталась утаить общую сумму, так Альберт ведь от своих агентов точно знает, кто сколько заработал, если чего недодашь, он своих амбалов натравит. Той бабе чуть всю морду бритвой не исполосовали.

– И ты, зная такие вещи, все еще ходишь в эту контору «Рога и копыта» и общаешься с тамошними жуликами? – изумилась Оля.

Лорка в раздражении ответила:

– А что, в нашем замшелом Нерьяновске, что ли, всю жизнь торчать? Это ты такая умная, в университете работаешь, научным доктором станешь. А мне только рожей своей и брать. За границу главное попасть, а там уж я мужа себе в два счета найду!

Оля переживала за сестру и пыталась воздействовать на нее через Татьяну Абдурахмановну. Но та встала на сторону дочери и заявила, что верит «нашему благодетелю Альберту Феокистовичу». Облегчение Оля испытала тогда, когда узнала об аресте Альберта Феокистовича за неуплату налогов, вымогательство и попытку изнасилования. Модельное агентство «Снежная королева» приказало долго жить, а Лорка, казалось, забыла о своих честолюбивых планах.

В апреле Ларисе домой позвонил вежливый молодой человек, представившейся директором агентства «Лунный свет». Он-де имел возможность ознакомиться с фотографиями девушек, которые сотрудничали с Альбертом Феокистовичем, и Лорка ему очень понравилась. Если она готова, то он может помочь ей отправиться на работу в Испанию.

Лариса, вновь загоревшаяся идеей, посетила агентство «Лунный свет». Ольга была уверена, что и в этот раз ничего не получится. Каково же было ее удивление, когда Лорка, навестив ее дома, заявила:

– Я еду в Испанию!

– Когда? – спросила Оля. – Как с Японией, после дождичка в четверг? Неужели история с Альбертом Феокистовичем, который сейчас сидит в КПЗ, тебя ничему не научила?

– Альберт уже давно не сидит, его выпустили, а все обвинения сняли, – заявила Лорка. – Кстати, та девица, которая его обвиняла в попытке изнасилования, пропала.

– Какой ужас! – пролепетала Оля. – Наверняка он прича-

стен к ее исчезновению. Не сомневаюсь, что от тюрьмы он откупился.

Лорка пояснила:

– И вообще, агентство «Лунный свет» принадлежит Альберту. Вернее, он является его покровителем...

– Скажи еще, что «крышей», – произнесла сквозь зубы Оля, ненавидевшая блатные выражения.

– Точняк! Он, правда, не как раньше, в процесс не суется, но кабинет у него имеется, и офис нового агентства располагается по тому же адресу, что и старое. Но главный у них Саша, пронырливый такой парнишка. Они теперь не с Японией работают, а с Испанией. И вот я зачем к тебе пришла... Там восемьсот долларов требуется – на визу, авиабилет и прочее. А у мамки только двести. Может, займете?

Нина Сергеевна, не одобрявшая, как и дочь, авантюру Лорки, отказать не смогла. Лариса получила заветные деньги и через два дня звенящим от радости голосом сообщила:

– Мы в воскресенье выезжаем с девчатами в Москву, там у нас стрелка забита во французском посольстве на понедельник...

– Почему во французском? – поинтересовалась Оля, зная, что Лорка не особо сильна в географии: она очень удивилась, узнав, что доехать до Японии на поезде нельзя. – Или место вашей работы уже передислоцировали в Париж или Марсель?

– В испанском, говорят, визу фиг получишь, а во фран-

цузском у Альберта и Саши есть свои каналы, – сказала Лорка. – Дадут, правда, на две недели, а может, и того меньше. Едем как туристы.

– И как же потом вы будете ее продлять? – удивилась Оля. – Турвизы, кажется, не продляют, да и работать с ними запрещено...

– Да мало ли что запрещено! – резюмировала Лорка. – Испания сейчас – самый писк! И климат вроде хороший. Она же у Тихого океана лежит...

– У моря. У Средиземного моря, – поправила сестру Оля. – А север Испании омывается Атлантикой.

Но Лорке было совершенно безразлично точное местоположение Испанского королевства.

Проводы Ларисы в Москву прошли суетливо и бестолково. Оля была отчего-то твердо уверена, что Альберт Феоктистович и пронырливый Саша надуют девушек и, собрав с них по восемьсот долларов, никакую поездку не организуют. Она рассчитывала, что Лорка вернется из столицы разочарованной и огорченной, но поумневшей. Вместо этого Лариса позвонила из Москвы матери и сообщила, что визу во французском посольстве дали, срок – три недели, а самолет в Барселону через день.

В следующий раз Лариса связалась с мамой уже из Испании, коротко сообщив, что у нее все в порядке. Затем последовало три недели тишины, в течение которых Оля проигрывала в уме страшные варианты развития событий на Иберий-

ском полуострове. Наконец Лариса снова дала о себе знать, с гордостью поведав, что купила себе платье за триста евро. Судя по всему, она была чрезвычайно довольна работой в баре на Коста-дель-Соль и солидным заработком. Когда Оле выпадала возможность пообщаться с сестрой, та постоянно твердила о новых нарядах и новых поклонниках. Ехать обратно Лариска не собиралась, а то, что срок действия визы давно истек, ее не особо занимало – некий испанец Пако, чей кузен служил в испанской полиции, гарантировал свое покровительство и обещал предотвратить депортацию русских девушек на родину.

Лариса звонила Татьяне Абдурахмановне раз в неделю, разговаривая по сорок минут, а то и по часу, заявляя, что денег у нее полно и экономить она не собирается. Лорка сообщала об испанских поклонниках и грозилась выйти замуж.

После неудачной попытки Льва Мироновича отчислить Олю из аспирантуры и смены научного руководителя времени на общение с Ларисой практически не было, да и та не особо баловала сестру новостями. Оля пребывала в уверенности, что Лорка обрела в далекой солнечной Испании то, к чему так стремилась, и недалек тот час, когда у нее появится муж-испанец, а сама Ольга станет тетей очаровательного нового подданного его величества короля Хуана Карлоса Первого.

– И что из того, что нет заграничного паспорта? – возразила растерянная тетя Таня. – Я же мать! Меня пропустят! Мне поверят! Я в Москву поеду, на прием к послу!

– Вряд ли это так легко, – ответила Нина Сергеевна. – Наверняка по личным вопросам он принимает не часто, да и то по предварительной договоренности. И что ты ему скажешь? Что твоя дочь, Данилина Лариса Андреевна, отправилась полгода назад в Испанию по французской туристической визе, которая истекла много месяцев назад, для того, чтобы, не имея разрешения местных властей, работать там, и тебе кажется, что она пропала? Ты уверена, что слышала выстрелы?

– Да, слышала! – твердо заявила Татьяна Абдурахмановна. – И Лорка сама не своя была. Голосок трясется, сразу видно, что напугана. Говорит, они его убили. Точно, так она и сказала: «Они его убили, мама, и сейчас до меня доберутся!»

Оля погладила тетя Таню по руке и осторожно спросила:

– Но когда вы в первый раз нам рассказывали о своей беседе с Лорой, то не упомянули об этих ее словах. Тетя Таня, вы уверены, что все... так и было?

– Да не сочиняю я ничего. Таня крикнула: «Убили его, и сейчас до меня доберутся» – вот ее доподлинные слова. И

что-то она еще про ангелов лепетала. Про розовых ангелов...

– У нее что, галлюцинации, что ли? – озабоченно спросила Нина Сергеевна. – Таня, ты меня извини, но у меня создается такое впечатление, что Лариса там... слишком много спиртного употребляет. И, кто знает, может, наркотиками балуется. Знаешь, сколько у меня на участке случаев, когда и розовых ангелов, и зеленых чертиков, и шагающие трупы с перерезанными глотками видят?

Татьяна Абдурахмановна поднялась и, не проронив ни слова, направилась к двери. Оля побежала за ней и воскликнула:

– Тетя Таня, мама просто предположила. Ведь мы не должны сбрасывать со счетов и такую возможность. Кто знает, может, Лора что-то напутала. Или вы не так ее поняли. Не надо паниковать!

Тетя Таня позволила уговорить себя остаться и выпить тонизирующего мятного чая. Оля пообещала ей, что следующим утром обзвонит все инстанции, чтобы узнать, как можно связаться с Испанией.

– Ты будешь делать документы для аттестационной комиссии, – прервала ее Нина Сергеевна, – а звонить буду я. Сейчас почти полночь, все учреждения закрыты, и ни до кого, кроме вахтеров или охранников, мы не дозвонимся. Утро вечера мудренее.

Тетя Таня, пришедшая в себя, попросила:

– Оленька, ты ведь по-испански говорить умеешь. А что,

если... позвонить прямо туда? Телефоны, думаю, можно в Интернете найти. У меня вот записано, где Лорочка последние три месяца работает...

Она вытащила из кармана куртки смятую бумажку и прочитала:

– Торрокс-Коста. Лорочка говорила, что это один из отдаленных районов Малаги, на андалусийском побережье. Ночной клуб «Титаник».

– Думаю, что это очень хорошая идея, – поддержала тетьку Таню Ольга. – Испанским я владею не так хорошо, как французским, но для того, чтобы объясниться с работником полиции или мэрии, знаний хватит.

Они в очередной раз попытались позвонить Лорке на мобильный, но любезный испанский голос сообщил, что абонент временно недоступен.

Первую ночь после защиты диссертации Оля провела тревожно, то и дело просыпаясь в холодном поту и бросая взгляд на зеленые цифры электронных часов. Ее мучили кошмары, но связаны они были вовсе не со Щубачом или университетом, а с Лоркой. Во сне Оля от кого-то убегала, продираясь сквозь буйную тропическую растительность. Засыпая, она снова оказывалась в кошмаре, и гонки по джунглям продолжались. Каждый раз она падала, задев ногой скелет в истлевшей одежде и с длинными рыжими прядями, обрамлявшими зияющий пустыми глазницами череп, и каждый раз нечто, свирепо прокладывавшее путь по диковинно-

му лесу, настигало ее. Кто за ней гнался, Оля так и не увидела, но знала: она проиграла, и за это ей придется заплатить собственной жизнью.

Наконец наступило хмурое декабрьское утро. Оля раскрыла глаза и очень удивилась, заметив над собой белый потолок, а не лианы, по которым снуют крошечные обезьяны, и вокруг вовсе не деревья, по веткам которых прохаживаются горластые разноцветные попугаи, а обстановка родной квартиры. Если ее сон – реакция на возможное несчастье с Лоркой, то странно, отчего ей привиделся тропический лес. В выжженной солнцем Андалусии подобного ландшафта нет и в помине. И скелет, о который она споткнулась... брр...

Лариска по-прежнему была вне досягаемости – ее телефон был отключен. Впрочем, она говорила, что работает ночь напролет, а целый день до четырех дрыхнет, предварительно выключив мобильник. Может, так оно было и сейчас? И вчерашняя паника тети Тани не имела никаких оснований? Однако на всякий случай ситуацию следовало прояснить.

Стенограмма заседания диссертационного совета могла и подождать, все же сестра намного важнее. Поэтому Оля посетила интернет-кафе, где через пятнадцать минут нашла телефоны полицейского управления города Малаги, российского посольства в Мадриде и генерального консульства в Барселоне, а также приемных министерств внутренних и иностранных дел Испании.

В генконсульстве и посольстве, когда Оля дозвонилась туда, что было не так уж и легко, ей заявили, что помочь ничем не могут, а узнав, что Лорка находится на территории Испании нелегально, заявили, что при въезде в Россию у нее, вероятно, будут очень большие проблемы. Ольга пыталась настоять на том, чтобы поговорить с главой одной из дипломатических миссий, на что ей было сказано, что ни генеральный консул, ни тем более посол такими мелочами не занимаются.

Женщина, с которой она говорила, дозвонившись в министерство внутренних дел Испании, была чрезвычайно любезна и предупредительна и обещала помочь. Оля, полная надежд, оставила ей номер телефона в Нерьяновске. Испанка успокоила ее:

– Вероятно, сеньора, вы беспокоитесь зря – ваша сестра, я уверена, жива и здорова, и речь идет о недоразумении или шутке.

На всякий случай Ольга позвонила и в Малагу, но степенный андалусиец из полицейского управления заверил ее, что никаких преступлений, жертвой которых стала бы русская девушка по имени Лариса Данилина, зарегистрировано не было. Он обещал еще раз все проверить и даже перезвонить в Россию. Оля, завершив разговор, сообщила маме, что с Лоркой все в порядке.

– Я так и думала, что Таня сделала из мухи слона, – ответила Нина Сергеевна. – Лариса безалаберная, непутевая де-

вица, которая редко считается с чувствами других.

– Но, помимо всего прочего, мамочка, она моя сестра, хотя бы и наполовину, – ответила Оля.

Нина Сергеевна отправилась с благой вестью к Татьяне Абдурахмановне, а Оля принялась за стенограмму заседания совета. Она углубилась в работу, и телефонный звонок напугал ее. На проводе была работница министерства внутренних дел в Мадриде.

– Сеньора Данилина? Я по вашей просьбе перепроверила всю имеющуюся в нашем распоряжении информацию и выяснила, что ваша сестра в самом деле прибыла в Барселону из Москвы двадцать второго мая. Она должна была выехать три недели спустя, чего, к сожалению, не произошло. Никаких преступлений в Малаге и ее окрестностях, в которых замешаны русские девушки, зарегистрировано не было. Так что, уверена, вы и ваши родственники беспокоились зря – сеньора Лариса находится в добром здравии. Я отыскала телефонный номер бара «Титаник» в Торрокс-Коста, в котором работает ваша сестра. Если хотите, могу продиктовать вам его...

– Конечно! – с радостью откликнулась Оля.

Она безуспешно пыталась связаться с Лоркой по мобильному, но тот по-прежнему был отключен. Поблагодарив даму из министерства, Оля тотчас позвонила в бар «Титаник». Сначала трубку никто не брал. Она набрала номер снова, и на этот раз в трубке запищали короткие сигналы – «занято».

На третий раз опять послышались долгие гудки, тут же сменившиеся короткими – некто, не отвечая на звонок, повесил трубку! Только через полчаса, почти потеряв надежду, Оля дозвонилась в бар.

– Si! – ответили прокуренным голосом.

Оля быстро произнесла:

– Сеньор, добрый день, я хотела бы поговорить с Ларисой Данилиной...

– Какой я вам сеньор! – рявкнул голос, и только тогда Оля поняла, что разговаривает не с мужчиной, а с женщиной, обладательницей на редкость низкого голоса. – Мы работаем с шести!

Дама отключилась. Оле пришлось терпеливо ждать, и когда часы показали пять минут девятого – в Испании, соответственно, было пять минут седьмого, она набрала номер «Титаника». На этот раз трубку взяла девушка, которая с русским акцентом произнесла:

– Бар «Титаник». Слушаю вас.

До Оли донеслась зажигательная музыка, пьяные крики и восторженный хохот.

Поколебавшись, Ольга зашептала по-русски (она была уверена, что хозяйка бара, если в первый раз она говорила именно с ней, не одобрит беседу одной из своих работниц с Россией):

– Добрый вечер, меня зовут Оля Данилина, я из Нерьяновска. Мы разыскиваем мою сестру Ларису. Вы наверняка

ее знаете, она же работает у вас. Вы можете пригласить ее к телефону?

Собеседница молчала, и Оля подумала, что девушка не расслышала ее из-за громкой музыки. Она начала повторять то же самое чуть громче, но девушка перебила ее:

– Запиши номер моего мобильного и перезвони через час. Я сейчас говорить не могу. – Она быстро продиктовала цифры и повесила трубку.

Оля очень боялась, что неверно записала номер, и следующие шестьдесят минут показались ей самыми долгими в жизни. Она бы предпочла еще раз предстать перед ученым советом, чем вот так, как сейчас, дожидаться, когда стрелки часов замрут на девяти. Наконец час прошел, и Оля бросилась к аппарату. Долго никто не отвечал, и уже когда она смирилась с мыслью, что девица ее обманула, раздался знакомый голос:

– Алло, это ты, сестра Изабеллы?

– Изабеллы? Я сестра Ларисы Данилиной! – закричала Оля.

Девица ответила:

– Да не вопи ты так! Я на улицу вышла, а в рабочее время без разрешения хозяина или его мымры нам покидать бар запрещено. У нас у каждой здесь новое имя. «Лариса» для испанцев слишком сложно и непривычно, вот и кличут ее все Изабеллой. Я, например, Люба, а по-ихнему – Рамона.

– Ты можешь мне сказать, что у вас произошло? – спро-

сила Оля. – Вчера Лора, то есть Изабелла, позвонила своей маме и сказала, что... что кого-то убили... и что вот-вот настанет ее очередь... Я сотню раз звонила ей на мобильный, но он отключен. Ты можешь пригласить ее к телефону?

Люба, она же Рамона, ответила:

– Знаю только, что Изабеллу и еще одну девчонку вчера заказали – приехал богатый старик, заплатил хозяину, и тот отпустил их на всю ночь. И они поехали к нему домой. Вторая девица вернулась, а вот Изабелла..

– Так что с Лоркой? – прошептала, предчувствуя неладное, Оля.

– Она до сих пор не появлялась. Хозяин и хозяйка, если мы где задерживаемся, обычно как с цепи срываются, орут, депортацией грозят. Мы же для них деньги зарабатываем, клиентов на стаканы раскручиваем. Чем больше стаканов – тем больше прибыль. А Изабелла не пришла, и они о ней не вспомнили, как будто такой и не было. Странно все это. Был тут недавно случай – один англичанин богатый девушку-украинку убил, а тело зарыл. Его сейчас судят, говорят, что к пожизненному заключению приговорят...

От таких слов Оля похолодела. Если в течение дня она успела убедить себя, что с Лоркой все в порядке и сестра вот-вот объявится, живая и невредимая, то после рассказа Любы ей сделалось страшно.

– А ты уверена, что она не возвращалась? Может, ты просто не знаешь...

– Нет, не было ее, мы же на одной квартире ночуем, – сообщила девица. – Но не стоит тебе волноваться, наверняка у нее поклонник появился, вот она и решила у него остаться. Так многие поступают, не все же время в баре ишачить. Правда, шмотки свои не забрала. И вот еще что...

В трубке послышались вопли, Люба шепнула:

– Ух, хозяйка меня на улице засекала, извини, пока!

Оля попыталась задать еще один вопрос, но Люба-Рамо-на отключилась. Нина Сергеевна, узнав от дочери о состоявшемся разговоре, заметила:

– Татьяне знать об этом вовсе необязательно. Я и так ее еле успокоила, убедив, что Лариса свой мобильный потеряла.

– Мама, но что же делать? – волновалась Ольга. – Я не верю, что Лорка просто так исчезла. И остаться нигде она не могла – ведь все ее вещи, о которых она мне захлеб рассказывала, остались на квартире. Мы ведь Лорку хорошо знаем – уж что-что, а дорогие обновки она бы никогда не бросила...

На следующий день Оля пыталась дозвониться до Любы, но телефон упорно молчал. Не вытерпев, она снова набрала номер бара «Титаник». Трубку взяла уже знакомая ей сеньора с никотиновым контральто.

– Я хочу поговорить с Ларисой... то есть с Изабеллой!

Дама кашлянула и быстро ответила:

– Нет здесь таких!

– Но как же так? Мне хорошо известно, что Лариса, то есть Изабелла, работает у вас...

– Повторяю: здесь таких нет! И перестань сюда звонить, иначе в полицию пожалуюсь!

Упорное нежелание сеньоры говорить о Лорке напугало Олю. Неужели с сестрой произошло что-то ужасное? Вестей от нее не было уже сорок восемь часов, и несмотря на то, что Лариса никогда не отличалась пунктуальностью, было до чрезвычайного странно, что она так и не объявилась.

Около двух часов ночи – в Испании была почти полночь – она дозвонилась, наконец до Любы. Пьяноватый голос прозвучал по-русски:

– Ну чего надо?

– Люба? Рамона? – закричала Ольга. – Это сестра Ларисы, то есть Изабеллы, я вчера тебе звонила. Скажи мне, ты ее видела?

– Ах, Изабелла... Нам хозяйка сказала, что она себе уха-жера жутко богатого нашла и с ним в Валенсию укатила. Бы-вает же такое – отправилась на вечеринку, подцепила мужи-ка, а тот глаз на нее положил. Везет же некоторым!

– Как это в Валенсию укатила? – только и сумела проро-нить Оля.

– Да вот так и укатила, – хихикнула Люба. – Он ей вроде сказал: или немедленно со мной едешь, или остаешься в сво-ем Торроксе. Она же не дура, вот и поехала. А вещички свои оставила. Хозяйка сказала, что они ей больше не нужны, же-них новые купит. Мы их уже и поделили! И косметику тоже!

Оля отлично знала сестру: та никогда бы не оставила ни-кому ни своих нарядов, ни тем более косметических принад-лежностей. Лариса никогда не выходила на улицу, не прове-дя часа в ванной комнате у зеркала и еще часа – выбирая подходящее одеяние. А тут ее пытаются убедить, что Лор-ка растворилась в воздухе, оставив товаркам дорогие вещи и косметику? Да если бы даже сестра и сбежала с богатым поклонником, она бы наверняка прихватила все свои чемо-даны. Ведь хорошо выглядеть для нее самое главное!

– Скажи мне, пожалуйста, а как зовут того сеньора, к ко-торому Лора поехала прошлой ночью... – начала Оля, но Лю-ба, крепко выругавшись из-за того, что у нее сломался каб-лук, повесила трубку.

Ольга провела бессонную ночь. Нина Сергеевна была встревожена не на шутку, однако убедила дочку, что подни-

мать панику не следует.

– С Ларисой все в порядке, – ответила она, – и она скоро объявится.

– Мама, ты же сама не веришь в то, что говоришь! Мне шестое чувство подсказывает – с ней что-то случилось. Лорка в беде!

Нина Сергеевна ответила:

– Оля, дочка, даже если это и так, то чем мы можем помочь? Она – за тысячи километров отсюда, на юге Испании. По телефону ты все равно ничего не выяснишь. И так уже счет за переговоры придет огромный.

– Мама, как ты можешь так рассуждать! – воскликнула Оля, хотя понимала: Нина Сергеевна права. Никто, абсолютно никто не сможет им помочь. Полицейский из Малаги, хотя и пламенно обещал, так и не перезвонил и наверняка этого не сделает. Приятельницы Лорки уверены, что та укатила в неизвестном направлении с богатым поклонником, и единственное, что их занимает, – как разделить Лоркино наследство. Хозяйка бара наверняка что-то знает, но просто так не сообщит об этом, тем более девице, звонящей из далекой России. Что же делать?

Полторы недели завершающегося года Оля провела в большой тревоге. Она машинально выполняла то, что требовали от нее председатель диссертационного совета и ученый секретарь – морока с документами была невероятная. Обе дамы, ссылавшиеся на требования министерства, Выс-

шей аттестационной комиссии и университетские инструкции, придирались к каждому слову, снова и снова требуя что-то убрать, другое – вставить, изменить, переформулировать...

Оля, проводившая в университете чуть ли не целый день, только удивлялась тому, как это ученые дамы не устают читать в пятнадцатый раз один и тот же документ, предназначенный для Москвы, и с маниакальным упорством замечают новые неточности, ошибки или несоответствия жестким требованиям. В мыслях девушка была далеко от Нерьяновска. Не считаясь с затратами (им действительно пришел астрономический счет за разговоры с Испанией), она снова позвонила в министерство внутренних дел, и ее опять заверили в том, что сеньора Лариса Данилина не числится в списках жертв преступлений. В полицейском управлении Малаги, после того, как она провела в ожидании не меньше десяти минут около умолкшей телефонной трубки, ей удалось заполучить в собеседники одного из заместителей шефа. Он официально заверил, что причин для беспокойства нет, и тот факт, что ее сестра исчезла, не означает, что Лариса попала в переплет.

– Сеньора, я уверен, что сведения, полученные от подруг вашей сестры, заслуживают доверия. Она, обзаведясь поклонником, решила кардинально изменить образ жизни. Поверьте мне, русские девушки – это наша постоянная головная боль. Хотя... знаете, мой кузен женат на белоруске. Это

же некая республика, являвшаяся раньше частью Советского Союза, не так ли? Так вот, она превосходно готовит, мой кузен поправился за полгода на пятнадцать килограммов...

Оля, не желая тратить время и деньги на то, чтобы ознакомиться с представителями генеалогического древа заместителя начальника полиции города Малаги, распрощалась с собеседником, пожелав счастливого Рождества и Нового года. Теперь она была уверена – с Ларисой случилось что-то ужасное.

Мобильный телефон Лорки молчал, в баре она так и не объявилась и домой в Нерьяновск больше не звонила. Тридцатого декабря Оля, потеряв терпение, направилась в агентство «Лунный свет», которое и отправило сестру в Испанию.

Агентство располагалось на первом этаже трехэтажного особняка, бывшего купеческого дома. Ольгу встретил невысокий молодой человек с крысиными чертами лица, прилизанными черными волосами и бегающими глазками. Это и был Саша, шустрый молодой человек, зиц-председатель агентства.

– Лариса Данилина? – протянул он, и Оля могла поклясться, что в его глазах вспыхнул страх, когда она назвала имя сестры. – Нет, такой у нас не было!

– Но как же так! – запротестовала Оля. – Вы хорошо ее знаете, она мне много рассказывала о вас...

Саша, который не пустил ее дальше приемной, на облезлых стенах которой висели постеры с изображениями из-

вестных голливудских актрис, расплылся в гадкой улыбке:

– Ах, ну да, теперь припоминаю... Была, в самом деле такая была. И ты говоришь, что она пропала в Испании? Наверняка мужика себе нашла.

– Вы должны мне помочь, – заявила Ольга. – В конце концов, ваше агентство несет ответственность за тех, кого направляет в Испанию.

Саша взял Ольгу под локоток и ответил:

– Тебе не стоит указывать, что мы должны делать, а чего нет. Каждая из девушек подписывает обязательство, что никаких претензий к нашему агентству не имеет. – В голосе Саши сквозила неприкрытая угроза. Он больно сжал локоть Оли и добавил: – Если с твоей сестрой что и случилось в Испании, то это исключительно ее проблемы. Мы же не няньки, чтобы за всеми приглядывать!

Входная дверь, обитая черным дерматином, распахнулась, на пороге возник высокий господин в длинном белом плаще нараспашку, под которым виднелся черный шелковый костюм. Оля мгновенно узнала лысую голову, тонкую полоску усов и огромный бриллиант на пальце. Это был Альберт Феокистович Толкунов.

Саша, завидев патрона, мгновенно переменялся, отпустил локоть Оли и, лебезя, бросился к вошедшему:

– Альберт Феокистович, я вас сегодня не ждал...

Толкунов, смерив Ольгу взглядом, проронил:

– Что, новая кандидатка на поездку в Испанию?

– Девушка уже уходит, – поспешно ответил Саша. – Мы убедились, что она не соответствует нашим критериям.

Альберт Феокистович, естественно, Олю не узнавший (он ведь видел ее в течение полутора минут два с половиной года назад), заметил:

– Да уж, не соответствует. Нам симпатичные кандидатки нужны, а у этой ни рожи, ни жопы. Одета, как старая бабка, в глазах никакого задора. Нет, нет, такие нам не требуются!

Раньше Оля непременно обиделась бы на подобные слова, но ведь ехать за границу она и не собиралась, а пришла, чтобы узнать о судьбе сестры. Не попрощавшись, она выскочила из приемной агентства.

Поднимаясь по обледенелому пригорку, Оля гнала от себя мысль о том, что с сестрой могло приключиться что-то плохое. Но как узнать точно? В милиции ей не помогут – в агентстве от всего открещиваются, а у Альберта Феокистовича везде имеются влиятельные друзья, которые, не мешкая, во всех подробностях доложат ему о визите Ольги Данилиной, если она заявит, что Толкунов имеет отношение к пропаже Лорки. Что же делать, что делать?

Новый год Оля, Нина Сергеевна и Татьяна Абдурахмановна встретили в подавленном настроении. Ольга так и не рискнула поведать маме о том, что услышала в агентстве «Лунный свет». Тетя Таня за время, прошедшее с момента исчезновения дочери, постарела, из нее как будто выпустили жизненную энергию.

Оля вдруг не совсем к месту вспомнила, как она в детстве, увидев тетю Таню впервые, чрезвычайно испугалась – с черными распущенными волосами, смоляными бровями и карминными губами, женщина показалась ей похожей на ведьму из мультфильма. А с Лоркой они вообще подрались! Но потом подружились и делали уроки вместе. Отец тогда жил еще с тетей Таней, однако отношения между ними были очень натянутые: они могли не разговаривать по несколько недель подряд, и Татьяна Абдурахмановна, известная своим крутым нравом, оставляла супругу на кухонном столе записки такого типа: «Товарищ бомж! Когда проснетесь и протрезвеете, то уберите свой вокзал!»

Часы пробили двенадцать, оповестив Нерьяновск, что начался Новый год, и на улице послышались хлопки петард, и небо расцветил фейерверк. И в этот момент Оля поняла, что следует делать. Они втроем сидели за праздничным столом, уставленным кушаньями, но настроение было похоронное.

– Я поеду в Испанию, – сказала она неожиданно.

Нина Сергеевна, ковырявшаяся вилкой в салате «оливье», спросила:

– Дочка, о чем ты говоришь?

Тетя Таня, встрепенувшись, сказала:

– Оленька, что ты имеешь в виду?

– Как мы поняли, нам никто не хочет или не может помочь, – ответила девушка. – Ни российские власти, ни испанские чиновники не воспринимают всерьез факт исчезновения Лорки. Выход один – отправиться в Торрокс-Коста, чтобы найти ее!

Тетя Таня, на глазах оживая, закричала:

– Ну конечно! Я же хотела ехать в Испанию, а ты, Нина, сказала, что это бредовая идея!

– Боюсь, что мама права, вы поехать туда не сможете – у вас нет ни загранпаспорта, ни визы, – ответила Оля.

– Но, дочка, каким образом ты хочешь попасть туда? – спросила с сомнением Нина Сергеевна. – Если Таню туда не

пустят, то с чего ты взяла, что пустят тебя?

Оля вынула из бара в «стенке» (спиртному после того, как Андрей Петрович съехал, в квартире места не было) прозрачный пакет с документами.

– Вот мой заграничный паспорт, действителен еще почти два года, – сказала она, потрясая бордовой книжицей. В начале четвертого курса Ольга в числе лучших студентов университета на две недели ездила в Париж.

– Даже если и так, дочка, то как ты попадешь в Испанию? – упрямо спросила Нина Сергеевна, которая, как поняла Оля, не была в восторге от подобной идеи. – Тебе потребуется виза, и как ты ее получишь? Вряд ли в посольстве удовлетворятся твоими объяснениями, что ты собираешься искать пропавшую сестру, которая и не пропала вовсе, а ухажера себе нашла, правда, не удосужилась позвонить за последние две недели родной матери!

Тетя Таня взвилась, утверждая, что ее Лорка – не «из таких». Оле стоило больших усилий успокоить разошедшихся женщин.

– Я попаду в Испанию так же, как туда попала и Лорка, – сказала она. – Через агентство «Лунный свет».

Нина Сергеевна ахнула, задела рукой салатницу, и та полетела на ковер. Последующие десять минут все были заняты тем, чтобы смыть со старенького ковра – семейной реликвии, купленной неведомо сколько десятилетий назад покойной Олиной бабушкой, мамой Нины Сергеевны, в Ленин-

граде и с огромным трудом привезенной ею на собственном горбу в Нерьяновск, свекольно-майонезные разводы «селетки под шубой». О взаимных претензиях за хлопотами забыли, и Оля смогла внятно изложить свой план.

– Мы не можем сидеть сложа руки и просто ждать, пока Лорка объявится, – сказала она. – Единственная на данный момент возможность отправиться в Испанию – обратиться мне в агентство и устроиться на работу.

– Но, дочка, это же чрезвычайно опасно! – заявила Нина Сергеевна. – И вообще, не забывай, ты только что защитила диссертацию, профессор Милославский предложил тебе остаться на кафедре! Как же твоя карьера?

Оля знала, о чем мечтает мама: ее дочь через несколько лет станет доцентом, потом засядет за написание докторской диссертации, а затем будет профессором в университете.

– Мама, карьера может и подождать немного. Я ведь не намерена долго оставаться в Испании, – ответила Оля. – Только Лорку найду – и вместе с ней обратно! Мстиславу Романовичу скажу, что мне требуется основательно отдохнуть после защиты, здоровье пошатнувшееся в санатории поправить. Больше пары недель мне и не понадобится!

Нина Сергеевна с сомнением покачала головой, Татьяна Абдурахмановна, прижав к груди Олю, расплакалась:

– Оленька, ты – мой ангел-хранитель! Найди там в Испании эту поганку, головомойку ей устрой, но только привези ее живой и здоровой обратно в Нерьяновск. А то ее жених

Димка меня уже замучил, в день по три раза звонит, спрашивает, когда Лорка вернется. Она ведь ему обещала, что заработает денег на свадьбу и вернется...

Поджав губы, Нина Сергеевна сказала:

– Таня, я не совсем понимаю, почему моя Оля должна решать проблемы твоей безответственной Лорочки? Помимо того, что Оля ставит на карту свое будущее в университете – и это сразу после защиты диссертации! – так нам придется основательно потратиться, чтобы оплатить поездку в Испанию. Извини, но я – участковый врач-терапевт, а не директор банка. Слава богу, что я подрабатываю распространением биодобавок, это хоть как-то позволяет нам сводить концы с концами!

Оля обняла маму и, поцеловав в щеку, прошептала:

– Мамочка, ты же знаешь в глубине души, что я права и что другого пути у нас нет! Прошу тебя...

Нина Сергеевна нехотя ответила:

– Так и быть, но ты должна думать и о себе, а не только о Лорочке. Три недели – это самый большой срок, на который я согласна отпустить тебя. И запомни – поедешь не раньше, чем отправишь в Москву все документы на утверждение степени.

– Но, мама, придется ждать до середины января... – попыталась возразить Оля, однако тут Нина Сергеевна была неумолима.

Под воздействием принятого решения настроение за но-

вогодним столом разительно переменялось. Татьяна Абдурахмановна ожила и с аппетитом набросилась на голубцы, Нина Сергеевна, смирившись с решением дочери, погрузилась, а сама Оля задалась вопросом: как она убедит шустро-го Сашу из агентства рассмотреть ее кандидатуру?

Оля знала, что в отличие от сестры не является счастливой обладательницей броской красоты, хотя и дурнушкой ее считать никак нельзя. Просто они с Лоркой совершенно разные. Олины наряды Лариса именовала «наследием тотального прошлого» (Лорка имела в виду – тоталитарного), а Ольга находила, что нельзя зимой и летом ходить исключительно в мини-юбках и обтягивающих майках с центнером белил и румян на лице.

Последняя посылка с документами в Москву ушла пятнадцатого января, и Оля, получив согласие профессора Милославского, взяла отпуск за собственный счет до конца февраля. К тому времени она уже разработала план, который должен был помочь ей попасть в Испанию, и немедленно взялась за его претворение в жизнь.

Вечером того же пятнадцатого числа она отправилась в гости к Алине, своей однокласснице, которая работала визажистом в салоне красоты «Клеопатра». В школьные времена Алина, не блиставшая знаниями, постоянно списывала у своей соседки по парте, у Оли, алгебру, химию и французский. Ольга не вредничала, и Алина, вставив несколько ошибок, чтобы учителя не задались вопросом, отчего веч-

ная троечница вдруг резко поуменьла, без особых проблем окончила одиннадцать классов, а на выпускном вечере искренне поблагодарила подругу. Алина, у которой проявился небывалый талант визажиста, начав работать в престижной «Клеопатре», салоне для весьма состоятельных жительниц Нерьяновска – супруг нуворишей, «отцов города» и представителей бомонда, постоянно зазывала к себе Олю и Нину Сергеевну, обещая безвозмездно радикально изменить их имидж. Оля приглашением никогда не пользовалась, но, решив отправиться в Испанию, поняла, что без профессиональной помощи Алины не обойтись.

Алина была чрезвычайно рада визиту подруги.

Оля впервые оказалась в «Клеопатре» – еще бы, ведь косметическая маска из целебной глины с Мертвого моря, восточный массаж или просто педикюр здесь обошлись бы в месячную зарплату Нины Сергеевны. В вестибюле Ольгу встретила приветливая администраторша в бело-розовом костюме с бантом на шее. Она с подозрением осмотрела новую клиентку, одежда которой не соответствовала одежаниям обычных посетительниц салона. Оля смутилась, а дама, мило улыбнувшись, произнесла:

– Добрый вечер! Мы рады приветствовать вас в салоне красоты «Клеопатра». Чем мы можем помочь вам? Вы по записи?

Оля переминалась с ноги на ногу, понимая, что и ее старая шубка из горного козлика, и связанная покойной бабулей шапочка, и скрипучие сапожки, купленные на «толкучке», диссонируют с шикарным интерьером «храма красоты». Стены здесь были выкрашены в нежные пастельные тона – персиковый, перламутровый, нежно-голубой и салатно-зеленый, с потолка свисали затейливые рогатые люстры, распространявшие рассеянный свет, скрадывавший морщины, пол выложен разноцветными мраморными плитами, в глубоких креслах восседали холеные дамы средних лет, пролистывав-

шие со скучающими минами глянцевого журнала.

– Я к Алине Малышевой... – пролепетала Оля.

Администраторша, раскрыв золоченую папку, сверилась со списком и произнесла:

– Увы, вынуждена вас огорчить, милочка, у Алины нет ни секунды свободного времени! На семнадцать часов к ней записана супруга нашего мэра...

Оля была готова расплакаться на глазах у богатых клиентов, которые с удивлением, а то и брезгливостью рассматривали случайную посетительницу. Приветливая улыбка исчезла с лица дамы, и она сказала:

– Милочка, похвально, что вы решили озаботиться собственной внешностью, однако для таких, как вы, существуют обыкновенные парикмахерские. Так что прошу...

Она указала на прозрачные двери, и Оля побрела к выходу. Но внезапно услышала знакомый голос:

– Олечка, привет! Ты куда?

Обернувшись, она увидела Алину – в нелепом розовом халатике, с сиреневым шарфиком на шее. Администраторша поджала губы. Алина пояснила:

– Клара Михайловна, это моя... двоюродная сестра. Я вам говорила о ней. Мне же требуются добровольцы для экспериментов. Вот она и согласилась...

Кира Михайловна, уставившись на грязные лужицы, натекшие с сапожек Оли на сияющий, как зеркало, мраморный пол, процедила:

– Ну хорошо, только пусть она подождет на улице и не распугивает наших клиенток.

Алина подбежала к Оле, взяла ее под руку и, дождавшись, пока администраторша скроется за колыхающимися занавесками, вполголоса сказала:

– Клара раньше работала кассиршей в универсаме, а теперь заделалась мадам распорядительницей-администраторшей. Ты внимания на нее не обращай...

– Я, пожалуй, и правда подожду на улице, – уныло проговорила Оля, но Алина заявила:

– Еще чего! Посиди пока в служебном помещении, чайку попей. У меня сегодня последняя клиентка – мадам градоначальница. Стерва еще та! Когда она уйдет, я тобой и займусь.

Входные двери на фотоэлементах распахнулись, в салон вошла горделивая особа лет сорока с небольшим. Длинное черное дизайнерское пальто с горностаевой отделкой было расстегнуто, демонстрируя идеальную девичью фигуру. Только лицо – надменное и злое – выдавало истинный возраст посетительницы. Оля не раз видела эту особу по каналу городского телевидения – обычно, фальшиво улыбаясь, она посещала детей-инвалидов, ветеранов войны или талантливую молодежь. Супруга мэра была известна своим безупречным вкусом и страстью к дорогим украшениям.

Оля заметила снаружи «Мерседес» с затемненными стеклами, вслед за мэшей в салон вошли двое дюжих охранников в темных костюмах и черных очках. Как из-под земли

возникла Клара Михайловна, которая бросилась к высокой гостье. Алина, подведя Олю к неприметной двери, сказала:

– Посиди там, журналы полистай и меня подожди.

– Алина! – раздался призывный глас Клары Михайловны, которая помогала жене мэра снять дорожное пальто. – Чего ты замешкалась, Елена Аркадьевна прибыла!

Оля прошла в служебное помещение. Там она увидела коллегу подруги, одетую, как и Алина, в розовый халатик и с шарфиком на шее. Та усадила ее за стол, пододвинула к ней чашку кофе и грудку журналов.

– Что, и тебя сюда сослали? – полушутя спросила она. – Клара не терпит, чтобы родственники работников и, не дай бог, бедно и плохо одетые клиентки, случайно попавшие в салон, смущали дам, которые ждут своей очереди. Ты что будешь: чай или кофе?

В течение последующих двух с половиной часов Оля просматривала журналы, на страницах которых были изображены известные модели, актрисы, жены, дочери и любовницы сильных мира сего, и думала о том, что если бы Лорка не польстилась на подобную мишуру, вообразив, что поездка в Испанию принесет ей несметные богатства, то не попала бы ее сестричка в подобную передрагу.

Время от времени в служебном помещении, небольшой комнатке, разительно отличавшейся по оформлению от салона (никакого мрамора, шелка и современной мебели: выкрашенные белой краской голые стены, стол, застеленный

местами порванной клеенкой, несколько разномастных стульев, старенький электрочайник и древняя магнитола), возникали работницы «Клеопатры», в основном, молодые женщины, не старше тридцати. Получив передышку после того, как одна из клиенток ушла, а другая еще не пожаловала, они успевали выпить чашку чая или кофе и перебраться несколькими фразами с подругами.

– Ты видела мою мымру? Приперлась со своей почти полностью лысой собачатиной. Такое впечатление, что животину намеренно обкорнали. Чихуахуа зовется. Я сначала подумала, что это не порода такая, а новомодное бранное слово. В прошлый раз ее любимый пусик меня едва не тяпнул, а сегодня наваял кучу, причем в два раза больше, чем он сам, прямо на пол. Клара бросилась убирать, как будто соскребать собачье дерьмо – весь смысл ее жизни. Еще бы, ведь мымра – теща владельца ювелирного магазина «Изумруд»!

– А моя сегодня не в духе. Она, видите ли, недовольна отдыхом на Мальдивах. И решила на мне злобу сорвать – раз сорок заявила, что я ей больно сделала. Клара тут как тут, сразу же меня в спину толкает, шипит, чтобы извинилась. А за что мне извиняться – за то, что клиентку, старую калошу, молодой любовник бросил и климакс накрыл?

– А Алинка у нас счастливая. Мэрша ее любит, каждый раз сует по двадцать баксов.

Оля из разговоров девиц уяснила – они знают массу секретов богатых клиенток, большая часть из которых были из-

балованными, нервными и, что самое удивительное, несмотря на свое высокое социальное положение, несчастными созданиями. Только если обитатели хрущоб жалуются на отсутствие денег, на мужа, потерявшего работу и запившего, быстро вырастающих из недавно купленной одежды детей, то дамы, живущие в виллах и элитных квартирах, сетовали на то, что дизайнер обставил квартиру совсем не так, как хотелось, что муж подарил своей новой пассии платиновое кольцо с розовым бриллиантом в семь каратов, а ей самой на день рождения – только корзину цветов, что сынок заявил, мол, не хочет он отправляться в Кембридж, а желает принять участие в передаче «Фабрика звезд».

То и дело раздавался властный голос Клары Михайловны: – Лера, ты где, тебя давно ждут! Оксана, ты что, заснула? Марина, клиентка жалуется, что ты включила слишком горячую воду, когда мыла ей голову!

Наконец дверь раскрылась, и Оля увидела сияющую Алину. Она спрятала в карман халатика зеленую бумажку и, вздохнув, сказала:

– Ну вот, мадам градоначальница отбыла наконец восвояси! Через полчаса салон закрывается, так что у нас будет бездна времени, чтобы придумать тебе новый имидж.

Когда «Клеопатра» опустела (Клара Михайловна мило-стиво разрешила Алине испробовать новую косметику на «двоюродной сестре») и в салоне остался только пожилой охранник, Алина сказала:

– Ну что ж, примемся за дело...

Они прошли в зал, Алина усадила Олю в одно из кресел. Из большого зеркала неправильной формы на девушку смотрело ее собственное отражение. Алина включила контрастный свет, и Оля, никогда особенно не уделявшая внимания собственной внешности, с огорчением заметила и землистый цвет лица, и тени под глазами, и тонкие морщинки на лбу, и иссекающиеся темные волосы, тонкими прядями свисавшие с висков. Ольга, смутившись, быстро сняла очки в роговой оправе – она раньше и не замечала, что они уродуют ее, делая лет на десять старше.

– У тебя есть то, что напрасно ищут мои клиентки, – молодость, – пояснила Алина. Она сама выглядела великолепно – короткая стрижка, умело мелированные волосы, нежная персиковая кожа.

– Значит, ты хочешь радикально сменить имидж? – спросила она в задумчивости. – Исходный материал хороший. Так кого мне из тебя сделать, Оля?

Ответ у Ольги был наготове:

– Лариску!

– Кого, Лариску? Твою сестру? Я когда с ней на улице сталкивалась, то мне плакать хотелось! Она в самый лютый мороз вышагивала в мини-юбке и болоньевой курточке нараспашку. А красится-то она как – индейцы племени тумба-юмба обзавидовались бы...

Оля выпалила:

– Мне требуется, чтобы я стала кандидаткой на поездку в Испанию. Лорка обращалась в агентство «Лунный свет», а там у них особые требования...

– Ты решила отправиться в Испанию? – изумилась Алина. – Так ты вроде бы только что диссертацию защитила? Тебе самое место в университете. Глядишь, еще и академиком станешь!

Ольга упрямо повторила:

– Я должна поехать в Испанию! А для этого мне нужно выглядеть соответствующе. Я была в агентстве, и мне сказали, что... что...

– Представляю, что тебе там сказали, подружка, – вооружившись ножницами, засмеялась Алина. – Им требуется особый тип девиц – красивые безмозглые куколочки. Ну, раз ты решила ехать в Испанию, то поедешь. Даром я, что ли, у тебя все эти годы домашние задания и контрольные списывала! Итак, приступим...

В половине одиннадцатого Оля вернулась домой. Нина Сергеевна, которая после исчезновения Лорки места себе не находила, если дочь задерживалась, встретила ее в коридорчике.

– Оленька, поздно ведь уже, а я волнуюсь... – произнесла она и щелкнула выключателем. Неяркий свет залил коридор, Оля увидела маму в стареньком халате поверх ночнушки. Нина Сергеевна охнула и изменившимся голосом произнесла: – В кого ты превратилась, дочка! Тебя не узнать! Я уж

решила, что ко мне в квартиру чужая девица заявила!

Алина сдержала обещание – ее работа превзошла все самые смелые Олины ожидания. Ее длинные темные волосы, которые она обычно носила, завязав в пучок, Алина сделала платиновыми, укоротила и уложила волнами. Тонизирующая маска смягчила кожу, а умелый макияж сделал из Ольги, девушки просто симпатичной, роковую женщину. Узрев себя в зеркале, она была изумлена – от замученной аспирантки, новоиспеченного кандидата наук, которая не уделяет внимания моде и собственной внешности, не осталось и следа: вместо этого возникла дерзкая, загадочная, соблазнительная молодая женщина с озорными искорками в глазах.

– Тебе только на конкурс красоты! – ахнула, разглядывая дочь, Нина Сергеевна.

– Теперь мне осталось изменить гардероб, – сказала Оля, – и я могу отправляться в агентство «Лунный свет».

Через два дня, семнадцатого января, в приемную агентства зашла девушка лет двадцати. Шустрый молодой человек Саша, который инструктировал нескольких посетительниц, помогая им заполнить анкеты, ощерился, поедая глазами незнакомку. Еще бы, было на что полюбоваться: стройные ножки, которым, казалось, не было конца, обтягивали ажурные черные колготки, аппетитная грудь выделялась под белой водолазкой, а юбка поистине заслуживала наименования мини. Красотка, приоткрыв пухлые розовые губки и распахнув огромные зеленые глаза, обрамленные длиннющими черными ресницами, поправила платиновые волны волос (изящные пальчики были увенчаны непомерными бордовыми ногтями) и кокетливо просюсюкала:

– Здравствуйте, я на ваше объявление в газете наткнулась, вот в Испанию хочу поехать!

Саша, моментально забыв о девицах, которым только что строил глазки, галантно произнес:

– Ты попала туда, куда нужно! Уверен, что самое позднее через две недели ты отправишься туда!

– Меня зовут Оленька, – жеманно произнесла девица и хихикнула, – и я всю жизнь мечтала попасть за рубеж!

Оленьку возжелал увидеть и Альберт Феокистович. Он остался более чем доволен студийными фотографиями, ко-

торые девушка показала ему. Его рука несколько раз якобы случайно оказывалась на коленке Оленьки, но она, продолжая чирикать о своем желании отправиться в Испанию, каждый раз весьма небрежно шмякала по ней крошечной сумочкой.

Альберт Феокистович мельком просмотрел заграничный паспорт Оленьки.

– Ага, Данилина Ольга Андреевна... – произнес он. – Хм, на фотографии ты на себя совсем не похожа...

Сердце у Оли от этих слов ушло в пятки – а вдруг Толкунов узнает в ней девушку, которая разыскивает свою сестру, сгинувшую в Испании?

– Фотограф был плохой, – дрожащим голосом пояснила Оленька.

Однако Альберт Феокистович уже потерял всяческий интерес к паспорту и, отложив его в сторону, заметил:

– Такой ты нравишься мне намного больше, Оленька! Кстати, была у нас уже одна Данилина...

Оля снова перепугалась. А Толкунов пояснил:

– Евгенией зовут, она три раза в Испанию ездила, на квартиру себе заработала. Вот и тебя подобное ожидает...

Значит, о Ларисе Данилиной Толкунов предпочел забыть. Ольга заполнила анкету, сделав три грамматические ошибки и дважды переспросив, с каким количеством «с» и «н» пишется незнакомое слово «Барселона». Альберт Феокистович, получив от нее восемьсот пятьдесят долларов, заявил:

– Ну вот и хорошо, Оленька. Телефон мой у тебя есть, новая партия девушек поедет в конце месяца. Так что собирайся, дорога предстоит дальняя. Сначала в Москву – за визой, а оттуда – в аэропорт и в Испанию.

Оля и сама поверить не могла, что у нее получилось. Раньше Альберт и смотреть в ее сторону не хотел, а стоило натянуть мини-юбку, изменить прическу, сменить очки на цветные контактные линзы – и он уже вьется вокруг нее, как шмель около горшочка с медом. И самое главное: он ее не узнал!

Альберт Феокистович не обманул, двадцать шестого января, под вечер, он позвонил Ольге домой.

– Оленька, могу тебя обрадовать: послезавтра, во вторник, ты в числе прочих девушек едешь в Москву. Вас будет сопровождать Саша. Так что готовься, Оленька!

Нина Сергеевна, узнав, что Оля отправляется в столицу, а оттуда, по всей видимости, в Испанию, в последний раз попыталась воспрепятствовать поездке:

– Дочка, прошу, одумайся!

– Мама, от Лорки нет известий уже почти полтора месяца! – ответила девушка, у которой от вида всхлипывающей мамы разрывалось сердце. – Да и тетя Таня, ты сама знаешь, пить начала. Никого исчезновение Лорки не интересует, никто помочь нам не хочет. Так на кого же, кроме как на себя, надеяться?

В последнюю ночь в Нерьяновске Олю снова мучил непо-

нятный кошмар – она, теперь уже с Лоркой, бежала по тропическому лесу и снова спотыкалась о скелет с рыжими патлами и отвалившейся нижней челюстью, но на сей раз сестра помогла ей подняться, и они вместе понеслись дальше. Оля знала: тот, кто их преследует, пощады не знает. И вот они оказались перед скалой, затянутой лианами. С двух сторон – пропасть, впереди – каменная стена, забраться на которую невозможно, а позади – безжалостный преследователь. Они с Лоркой, схватившись за руки, прижимаются спиной к скале, и...

Что произошло с ними дальше, Оля не узнала, потому что заныл электронный будильник. Автобус отправлялся в одиннадцать, до этого требовалось перевоплотиться из кандидата филологических наук Ольги Андреевны Данилиной в глуповатую Оленьку – навести марафет и соответствующим образом одеться. Нина Сергеевна, отпросившаяся с работы, хлопотала на кухне, готовя завтрак и что-нибудь перекусить в дорогу. Пожаловала и тетя Таня. Глаза Татьяны Абдурахмановны подозрительно блестели, ее окружало сладко-терпкое облако. Наверняка тетя Таня вылила на себя половину флакона французских духов польского производства – тяжело переживая исчезновение единственной дочери, она пыталась заглушить свою боль при помощи алкоголя и всячески это скрывала.

Обе женщины вызвались проводить Олю до автовокзала. Вещей у Ольги было немного – небольшой чемодан, дорож-

ная сумка и рюкзачок. На автовокзале мамыши, тети и бабушки, вытирая слезы, обнимали окрыленных надеждами девиц, папы, братья и женихи запихивали в багажное отделение их скарб, Саша со списком в руке контролировал отъезжающих.

– Ах, Оленька, давай грузи свою поклажу, – сказал он, поставив в списке галочку против ее фамилии. – Ты – последняя. До отправления автобуса пятнадцать минут.

Нина Сергеевна обняла дочку, Татьяна Абдурахмановна залилась слезами и прошептала:

– Прошу, найди мою Лорочку! Я ведь без нее с ума сойду!

Мама вложила в руку Оле нательный крестик, подарок покойной бабушки, и сказала:

– Будь осторожна, дочка! Я знаю, что ты никогда не пойдешь на необоснованный риск, но все же... И возвращайся поскорее...

Оля знала: Нина Сергеевна не верит в успех ее поисковой экспедиции. Но она обязана хотя бы попытаться найти Лорку! Ведь если не она, то кто?

Саша зычным голосом оповестил:

– Девушки, все в автобус! Через три минуты отправляемся! Испания ждет вас!

Оля заняла кресло в конце салона (ей досталось место у окна), она махала рукой Нине Сергеевне, с поникшей головой и печальным взором замершей около рыдающей тети Тани, то и дело сморкающейся в большой белый пла-

ток, и думала о том, что обязательно найдет Лорку. Живой или... Неужели сестра мертва? Конечно, Лариса в силу своего неумяемого темперамента и безмерного любопытства могла, сама того не желая, впутаться в криминальную историю, но Оля искренне верила, что ее поиски увенчаются успехом.

В Москве все прошло быстро: Саша, собрав заграничные паспорта девушек, исчез в здании французского посольства. Вернувшись через час, он раздал красные книжечки. Оля, пролистав странички паспорта, обнаружила шенгенскую туристическую визу сроком на три недели.

– Въехать на территорию Испании вы сможете с первого февраля, – пояснил Саша. – Я поеду с вами, так что не беспокойтесь! А сейчас каждой из вас нужно сдать дополнительно по сто пятьдесят долларов. Вы получите подтверждение о том, что в одном из отелей Барселоны на ваше имя на двадцать один день забронирован номер. Тех, у кого таких бумажек нет, могут на границе и не пропустить.

Девушки, жалуясь на «грабеж среди бела дня», сдали требуемую сумму. Отдала деньги и Оля, принося мысленно благодарность Нине Сергеевне: та полностью разорила сберкнижку.

Две ночи девушки провели на частных квартирах; Оля, которая была в Москве всего два раза, в компании новообретенных подружек посетила Красную площадь. Но ей было не до столичных достопримечательностей – почему-то подумалось, что в Испании ее ожидают опасные приключения.

Но девушка подавила вдруг возникшее желание вернуться в родной город – она не имеет права бросить Лорку на произвол судьбы!

Ранним утром первого февраля девушки под руководством Саши отправились в Шереметьево-2. Когда они прибыли, регистрация на рейс авиакомпании «Аэрофлот» Москва—Барселона уже началась. Оля сдала в багаж чемодан и дорожную сумку, оставив при себе только рюкзачок.

Подопечные агентства «Лунный свет» без проблем прошли пограничный контроль и оказались в зале ожидания. Радостные девицы бросились в туалет, чтобы подкрасить губы и припудрить носик – в конце концов, всего через пять часов они окажутся в Испании, и следовало выглядеть на все сто.

Саша, заказав себе кофе с коньяком, уселся в баре. Оля под села к нему и, изображая из себя простушку, начала замаскированный допрос. Саша, снисходительно усмехаясь и куря, отвечал на ее многочисленные вопросы.

– Поедете вы на Коста-дель-Соль, это в переводе означает «Солнечный берег».

– А в Торрокс-Коста? – вырвалось у Оли.

Саша поперхнулся и внимательно посмотрел на нее. Девушка прикусила язычок. Не хватало еще, чтобы он что-то заподозрил.

– А ты, Оленька, откуда знаешь? – затушив в пепельнице не докуренную и до половины сигарету, ласково спросил он. Но глаза у Саши были холодные, как две льдинки.

– Девчата сказали, – прокудахтала Оленька. – А там море есть?

Саша успокоился. Вытащив из пачки новую сигарету и закурив, пояснил:

– Море там есть. Но не факт, что ты попадешь в Торрокс-Коста. Мы сотрудничаем с несколькими барами и клубами, в том числе в Гранаде, Альмерии и Марбелье. В зависимости от того, какому хозяину ты приглянешься...

Оля снова задала несколько наивных вопросов и наконец будто невзначай заметила:

– Я и решила к вам обратиться, после того как мне Алинка рассказала, что ее одноклассница Лариса Данилина тоже с вашей помощью в Испанию поехала...

– Лора? – сдавленным голосом заметил Саша. – Твоя подруга ошибается, никакой Ларисы Данилиной у нас и в помине не было, ни разу о такой не слышал. И вообще, кажется, ты, Оленька, говорила, что на рекламу нашего агентства в газете наткнулась...

Оленька пояснила:

– Сначала мне Алинка про вас рассказала, но я решила, что это не мое, а потом в газете прочитала и решила: нет, все-таки мое!

– Ага, вот оно как! – процедил Саша.

Оля поняла, что слишком углубилась в расспросы и едва не попала на лжи. На ее счастье, Сашу атаковали две другие девицы, которые не на шутку поссорились, выясняя,

кто в Испании главный – премьер-министр или президент. Саша, вальяжно усмехнувшись, стал втолковывать девицам, что в Испании после смерти фашистского диктатора Франко (что такой диктатор был, девушки вообще, кажется, слышали впервые) восстановлена монархия, и номинальным главой государства является король из династии Бурбонов.

Олю же мучил иной вопрос: если Саша утверждает, что никогда не слышал о девушке по имени Лариса Данилина, почему у него вырвалось ее «домашнее» имя – Лора? Вот ведь какое агентство – если что с девушками случается за границей, они сразу же от них отрекаются! Но что же произошло с непутевой сестрицей? Саша ей ничего не скажет, наверняка имеет приказание Толкунова молчать. Как докопаться до истины?

Стараясь унять дрожь в руках, Оля зашла в женский туалет и минут пятнадцать стояла перед зеркалом, собираясь с мыслями. Итак, она получила еще одно подтверждение, что находится на верном пути.

Наконец объявили о начале посадки на рейс. Оля, обладательница места 13С, суеверно подумала, что чертова дюжина – не к добру. Она влилась в галдящую толпу девиц и несколькими минутами позже оказалась в салоне самолета. Рядом с Олей сидели две подружки, недавно спорившие о главе испанского государства, а теперь без умолку обсуждавшие животрепещущую тему – как быстро они умрут, если самолет потерпит крушение.

– Пассажиры сразу сознание от перепада давления или чего-то подобного теряют, так что ничего страшного нет, мы и не заметим, что самолет взорвется, – утверждала одна.

– Неправда, в фильмах все время показывают – самолет падает, падает, падает в течение часа, и никак не упадет, а пассажиры сознания не теряют. Так что если нам не повезет, то смерть будет мучительной. Сгорим ведь заживо!

Оля, не выдержав подобной полемики, попросила девиц сменить тему. Те, обидевшись, заявили:

– О чем хотим, о том и говорим, и ты нам не указ!

Загорелись сигналы, извещавшие пассажиров, что необходимо пристегнуть ремни. Оля уже давно это сделала и, закрыв глаза, вцепилась в подлокотники кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.